ПИСЬМА ПУШКИНА КЪ РОДНЫМЪ.

П. Е.

Библ. Пушк. Дома
38 3/90
Инв. №22817

ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№ ШК. ПОЛ.

Ософина, 2. Ифрем.

22817

Альм. 1. – Бартенев – Эпизод из дельвиговской дуэли Пушкин – Письма к Гончаровым

" 2 – Новые письма А.С. Пушкина

" 3 – Н.М.К – По поводу писем А.С. Пушкина к жене

" 4. Пушкин, А.С. – Письма к брату Льву Сергеевичу.

Ин-т Русск. Лит-ры
Библиотека
АН СССР

83194

Письма Пушкина
въ редакц.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕСТЕЛЯ.

Неизданное мѣсто въ Запискахъ А. С. Пушкина.

24 Ноября (1833). Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ [1]). Вечеромъ раутъ у Фикельмонтъ [2]). Странная встрѣча: ко мнѣ подошолъ мущина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу Грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ Кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывшій Молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ Этерію, представя ее императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады: тонкость Фанаріота была побѣждена хитростію Русскаго офицера! Это оскорбляло его самолюбіе.

*

Это показаніе А. С. Пушкина имѣетъ важное историческое значеніе. Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего славнаго царствованія императоръ Александръ Павловичъ охладилъ къ себѣ сердца своихъ подданныхъ въ особенности потому, что поддался внушеніямъ Меттерниха и отказался поддержать Греческую Этерію въ ея борьбѣ съ Турками, которая и начата была въ надеждѣ на его содѣйствіе. Меттерниху надо было спасать себя, и внушенія его понятны: слабость по неволѣ прибѣгаетъ къ хитрости; но Пестель... Прибавимъ, что Государь зналъ Пестеля съ молодыхъ его лѣтъ, такъ какъ отецъ его, Петербургскій почтдиректоръ, завѣдуя перлюстраціею, находился съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ еще при Павлѣ. П. Б.

---

[1]) Только-что вернувшись передъ тѣмъ изъ чужихъ краевъ, куда ѣздилъ для здоровья. П. Б.

[2]) Австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ, графъ Фикельмонтъ былъ женатъ на графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ, внучкѣ князя Кутузова. Пушкинъ былъ друженъ съ ея матерью, Елисаветою Михаиловной, во второмъ бракѣ Хитровой. П. Б.

Р. Архивъ 1881 кн. II (2).

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ ГОНЧАРОВЫМЪ [1]).

1.

Къ Натальѣ Ивановнѣ Гончаровой [2]).

C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû vous écrire à présent que le comte *Tolstoy* [3]) m'a rapporté votre réponse. Cette réponse n'est pas un refus, vous me permettez l'espérance; cependant si je murmure encore, si de la tristesse et de l'amertume se mêlent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude. Je conçois la prudence et la tendresse d'une mère. Mais pardonnez à l'impatience d'un coeur malade et (ivre?) de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'âme l'image de l'être celeste, qui vous doit le jour. Si vous avez quelques ordres à me donner, veuillez les adresser au comte de *Tolstoy*, qui me les fera parvenir.

Daignez, madame, accepter l'hommage de ma profonde considération.

Pouchkin.

Переводъ. Ставъ на колѣна, проливая слезы благодарности—вотъ какъ долженъ былъ бы я писать вамъ теперь, послѣ того какъ гр. Толстой привезъ мнѣ

---

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, полученныхъ изъ Полотнянаго Завода отъ О. К. Гончаровой, при посредствѣ С. С. Ершова. Подлинникъ втораго письма (которое уже было напечатано въ Русскомъ Архивѣ и здѣсь повторяется для связи, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда переданъ Н. О. Эминымъ, получившимъ его отъ своего пріятеля Сергѣя Николаевича Гончарова. П. Б.

[2]) Это первое письмо къ будущей тещѣ сохранилось въ современномъ спискѣ и съ пропускомъ одного слова. Оно писано передъ самымъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году. П. Б.

[3]) Извѣстный подъ именемъ Американца графъ Ѳ. И. Толстой, по просьбѣ Пушкина, ѣздилъ къ Н. И. Гончаровой сватать Наталью Николаевну. П. Б.

отвѣтъ вашъ. Этотъ отвѣтъ не есть отказъ; вы дозволяете мнѣ надежду. И если я еще ропщу, если печаль и горечь еще примѣшиваются къ ощущенію счастія—не обвиняйте меня въ неблагодарности: я понимаю осторожность и нѣжность матери. Но простите нетерпѣнію сердца больнаго и (опьяненнаго)? блаженствомъ. Я ѣду тотчасъ и увожу въ глубинѣ души образъ небеснаго существа, вамъ обязаннаго жизнью. Если имѣете для меня приказанія, соблаговолите передать ихъ графу Толстому, который сообщитъ ихъ мнѣ. Примите дань глубокаго моего почтенія. Пушкинъ.

1 Мая 1829 г.

2.

Къ ней же.

Maintenant, madame, que vous m'avez accordé la permission de vous écrire, je suis aussi ému en prenant la plume, que si j'étais en votre présence. J'ai tant de choses à dire et plus j'y pense, plus les idées me viennent tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sincères et toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venait d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tetê me tourna, je la demandai. Votre réponse, toute vague qu'elle était, me donna un moment de délire: je partis la même nuit pour l'armée. Demandez-moi ce que j'allais y faire, je vous jure que je n'en sais rien; mais une angoisse involontaire me chassait de Moscou: je n'aurais pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avais écrit [1]); j'espérais, j'attendais une réponse; elle ne venait pas. Les torts de ma première jeunesse se présentèrent à mon imagination; ils n'ont été que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu malheureusement populaire. Vous pouviez y ajouter foi; je n'osais m'en plaindre, mais j'étais au désespoir.

Que de tourments m'attendaient à mon retour! [2]) Votre silence, votre air froid, l'accueil de mademoiselle N., si léger, si inattentif: je n'eus

---

[1]) Этого письма или этихъ писемъ не отыскано. П. Б.

[2]) Вотъ выдержка изъ записаннаго нами (17 Ноября 1864) разсказа Сергѣя Николаевича Гончарова: „Пушкинъ, влюбившись въ Гончарову, просилъ Американца графа Толстаго, стариннаго знакомаго Гончаровыхъ, чтобъ онъ къ нимъ съѣздилъ и испросилъ позволенія привести Пушкина. На первыхъ порахъ Пушкинъ былъ очень застѣнчивъ, тѣмъ болѣе что вся семья обращала на него большое вниманіе. Наталья Николаевна была младшая дочь. Пушкину позволили ѣздить. Онъ безпрестанно бывалъ. А. П. Малиновская (супруга извѣстнаго археолога) по его просьбѣ уговаривала въ его пользу; но съ Натальей Ивановной (матерью) у нихъ бывали частыя размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявленіяхъ благочестія и объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ;

pas le courage de m'expliquer. J'allais à Pétersbourg, la mort dans l'âme. Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule; j'avais été timide pour la première fois de ma vie, et ce n'est pas la timidité qui dans un homme de mon âge puisse plaire à une jeune personne de l'âge de m-lle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie, et maintenant, que quelques paroles gracieuses, que vous avez daigné m'adresser, auraient dû me combler de joie, — je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourraient seules me faire gagner l'affection de m-lle votre fille. Je puis espérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire. Si elle consent à me donner sa main, je n'y verrai que la preuve de la tranquille indifférence de son coeur. Mais entourée d'admiration, d'hommages, de séductions, cette tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêché de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle. Peut-être, ces propos seront-ils sincères; mais à coup sûr, elle les croira tels. N'aura-t-elle pas des regrets? Ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux. Ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante et libre de choisir demain un nouveau mari, cette idée — c'est l'enfer.

Parlons de la fortune. J'en fais peu de cas; la mienne m'a suffit jusqu'à présent. Me suffira-t-elle marié? Je ne souffrirai pour rien au monde, que ma femme connût des privations, qu'elle ne fût pas là, où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'exiger. Pour la satisfaire, je suis prêt à lui sacrifier tous les goûts, toutes les passions de ma vie, une existence toute libre et toute aventureuse. Toutefois ne murmurera-t-elle pas, si sa position dans le monde ne sera pas si brillante qu'elle le mérite et que je l'aurais désirée?

а у Натальи Ивановны была особая молельня со множествомъ образовъ, и про покойнаго Государя она выражалась не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Пушкину на прямикъ не отказали; но отозвались, что надо подождать и посмотрѣть, что дочь еще слишкомъ молода и пр. С. Н. Гончаровъ помнитъ хорошо пріѣздъ Пушкина съ Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дѣти сидѣли въ столовой за чаемъ. Вдругъ стукъ на крыльцѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ самую столовую влетаетъ изъ прихожей калоша. Это Пушкинъ, торопливо раздѣвавшійся. Войдя онъ тотчасъ спрашиваетъ про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смѣла выдти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина въ постели".

Tels sont en partie mes anxiétés; je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier.... *) Daignez agréer, madame, l'hommage de mon entier dévouement et de ma haute considération. *A. Pouchkin.*

Samedi (1830).

Переводъ. М. государыня! Вы мнѣ дозволили писать къ вамъ и, взявшись за перо, я чувствую въ себѣ такое же волненіе, какъ бы находился въ присутствіи вашемъ. Мнѣ такъ много нужно высказать, и чѣмъ больше о томъ думаю, тѣмъ больше приходитъ мнѣ въ голову мыслей печальныхъ и отнимающихъ смѣлость. Я изложу ихъ вамъ, во всей ихъ искренности и безсвязности, взывая къ вашему терпѣнію, а всего болѣе къ вашей снисходительности.

Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, красоту ея только что начинали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова у меня закружилась; я просилъ руки ея. Отвѣтъ вашъ, при всей его неопредѣленности, едва не свелъ меня съ ума; въ туже ночь я уѣхалъ въ армію. Спросите, зачѣмъ? Клянусь, самъ не умѣю сказать; но тоска непроизвольная гнала меня изъ Москвы: я бы не могъ въ ней вынести присутствія вашего и ея. Я къ вамъ писалъ, надѣялся, ждалъ отвѣта. Отвѣта не приходило. Ошибки первоначальной моей юности представлялись моему воображенію. Они были слишкомъ рѣзки, клевета преувеличила ихъ; по несчастію, молва о нихъ сдѣлалась всеобщею. Вы могли ей повѣрить; я не смѣлъ жаловаться на то, но я былъ въ отчаяніи.

Какія муки ожидали меня по моемъ возвращеніи! Ваше молчаніе, вашъ холодный видъ, пріемъ Натали, столь легкій, столь невнимательный! У меня не достало духу объясниться. Я уѣхалъ въ Петербургъ со смертью въ душѣ. Я чувствовалъ, что играю смѣшную роль; я былъ робокъ въ первый разъ въ жизни, а робость въ человѣкѣ моихъ лѣтъ конечно не можетъ понравиться молодой особѣ въ возрастѣ вашей дочери. Одинъ изъ друзей моихъ ѣдетъ въ Москву, передаетъ мнѣ оттуда слово благоволенія, возвращающее меня къ жизни, и теперь, когда нѣсколько милостивыхъ выраженій, которыми вы меня удостоили, должны бы исполнить меня радостію,—я несчастнѣе нежели когда-либо. Постараюсь объясниться.

Привычка и продолжительное сближеніе одни могли бы доставить мнѣ расположеніе вашей дочери. Я могу надѣяться, что со временемъ она ко мнѣ привяжется; но во мнѣ нѣтъ ничего, что̀ могло бы ей нравиться. Если она будетъ согласна отдать мнѣ свою руку, я увижу въ этомъ лишь доказательство того, что сердце ея остается въ спокойномъ равнодушіи. Но это спокойствіе долго ли продлится, среди обольщеній, поклоненій, соблазновъ? Ей станутъ говорить, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе соотвѣтственный, болѣе блистательный, болѣе достойный ея.

*) Что̀ это, пусть̀ догадаются читатели. П. Б.

Такія внушенія, если бы даже они и не были неискренни, ей навѣрно покажутся искренними. Не станетъ ли она раскаиваться? Не будетъ ли она смотрѣть на меня какъ на помѣху, какъ на обманщика и похитителя? Не почувствуетъ ли она ко мнѣ отвращенія? Богъ мнѣ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободною выбрать завтра же другаго мужа: мысль эта—адъ.

Поговоримъ о состояніи. Я мало забочусь о немъ. Моего мнѣ было до сихъ поръ достаточно. Но достанетъ ли женатому? Я ни за что на свѣтѣ не допущу, чтобы жена моя терпѣла лишенія, чтобы она не являлась тамъ, гдѣ ей предназначено блистать, веселиться. Она въ правѣ требовать этого. Чтобы сдѣлать ей угодное, я готовъ пожертвовать всѣми моими вкусами, страстями, всею моею жизнью, вполнѣ свободною и обильною случайностями. Но во всякомъ случаѣ не станетъ ли она роптать, коль скоро положеніе ея въ свѣтѣ не будетъ такъ блистательно какъ ей подобаетъ и какъ бы я желалъ?

Таковы отчасти мои скорбныя опасенія. Трепещу при мысли, что вы найдете ихъ слишкомъ уважительными. Есть еще одно, но я не могу рѣшиться повѣрить его бумагѣ....

Примите, милостивая государыня, дань полной моей преданности и высокаго почтенія. Суббота. А. Пушкинъ.

3.

Къ А. Н. Гончарову *).

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталію Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше нежели чѣмъ жизнію. Счастіе вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

3 Мая 1830. Москва.

4.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина мо-

*) Дѣдушка Натальи Николаевны А. Н. Гончаровъ (о которомъ читатели прочтутъ ниже въ Воспоминаніяхъ А. П. Бутенева) проживалъ старымъ вдовцомъ на Полотняномъ Заводѣ, не выдѣляя имѣній единственному своему сыну, такъ какъ онъ находился въ умственномъ разстройствѣ. П. Б.

его невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ сего мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С. Петербургъ, чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника *), то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ ли онъ съ Государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, не замедлитъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Наталіи Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться, что со временемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастію той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

7 Іюня 1830. Москва.

5.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ.

Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что̀ уже говорилъ я Золотову: главное дѣло—не вооружить противу себя Канкрина, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтиться. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремя стами тыс.) хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависитъ единственно отъ произвола Государева. На дняхъ ѣду въ С. Петербургъ и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрина. Что касается до заложенія заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи вашей волѣ; но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоцѣнномъ для меня:

*) Извѣстная статуя Екатерины.

мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній, препоручаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

28 Іюня 1830. Москва.

Письмо Сергѣя Львовича Пушкина.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Почитая сына моего совершенно счастливымъ, входя въ почтеннѣйшее семейство ваше и принимая по любви моей къ нему живѣйшее въ семъ участіе, за обязанность поставляю поручить себя въ благосклонное вниманіе ваше, какъ перваго виновника его благополучія. Счастливымъ почту и себя, когда буду имѣть случай лично принести вамъ за него мою признательность и увѣрить въ искреннемъ почтеніи и преданности, съ каковыми честь имѣю пребыть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Сергѣй Пушкинъ.

С. Петербургъ, Іюля 20-го дня 1830-го года.

Приписка Надежды Осиповны Пушкиной.

Позвольте и мнѣ, милостивый государь, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ поручить себя въ благосклонность вашу и изъявить вамъ благодарность мою за моего сына, почитая его совершенно счастливымъ.

При засвидѣтельствованіи вамъ искренняго почитанія, честь имѣю пребыть, милостивый государь, покорнѣйшая ваша

Надежда Пушкина.

6.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

По приказанію вашему являлся я къ графу Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ, что сіе дѣло зависитъ единственно отъ Государя; я просилъ отъ него по крайней мѣрѣ обѣщанія не прекословить Государю, если Его Величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя оное вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что̀ касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба

моя зависитъ отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умолять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

14 Августа 1830. Москва.

7.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Сердечно жалѣю, что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. Я бы за счастіе почелъ сдѣлать что-нибудь вамъ угодное.

Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина и хлопоты по сему печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выдти изъ долга, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ Нижегородскую деревню, дабы вступить во владѣніе оной. Надежда моя на васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

24 Августа. (1830). Москва.

8.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ Государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны вешней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта на счетъ пути, по которому препроводить вамъ къ Государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и короче чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ

снисходительный, благонамѣренный и чуть ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частныя благодѣянія Государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

9 Сентября 1830. Село Болдино.

229.

Къ нему же.

Милостивый государь, дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ!

Спѣшу извѣстить васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію, какъ мужа безцѣнной внуки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ обезпокоить и не знаемъ, въ пору ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ*) сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожетесь на счетъ приданаго; моя усильная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы же въ состояніи ждать. Что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ

Александръ Пушкинъ.

24 Февраля 1831. Москва.

Приписка Натальи Николаевны.

Любезный дѣдушка!

Имѣю счастіе извѣстить васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположенію. Съ моей же стороны чувства преданности, любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь, что вы по прежнему останетесь моимъ вѣрнѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ цѣлую ручки ваши и честь имѣю пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина.

---

*) Старшій братъ Натальи Николаевны.

НОВЫЯ ПИСЬМА
А. С. ПУШКИНА

ІЮЛЬ 1830—МАЙ 1836 Г.

Отъ издателя.

Едва ли кто-нибудь можетъ сомнѣваться въ чрезвычайномъ интересѣ этихъ новыхъ писемъ Пушкина. Не говоря уже о томъ, что каждая строка величайшаго русскаго поэта должна быть дорога всѣмъ его соотечественникамъ; не говоря и о томъ, что въ этихъ письмахъ—какъ и въ прежденоявившихся, такъ и бьетъ струею свѣтлый и мужественный умъ Пушкина, поражаетъ прямизна и вѣрность его взглядовъ, мѣткость и какъ бы невольная красивость выраженія;—но вслѣдствіе исключительныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ эти письма были начертаны, они бросаютъ яркій свѣтъ на самый характеръ Пушкина и даютъ ключъ ко многимъ послѣдовавшимъ событіямъ его жизни, даже и къ тому, печальному и горестному, которымъ, какъ извѣстно, она закончилась.

Писанныя со всею откровенностью семейныхъ отношеній, безъ поправокъ, оговорокъ и утаекъ, они тѣмъ яснѣе передаютъ намъ нравственный обликъ поэта.

Несмотря на свое французское воспитаніе, Пушкинъ былъ не только самымъ талантливымъ, но и самымъ русскимъ человѣкомъ своего времени; и уже съ одной этой точки зрѣнія его письма достойны вниманія каждаго образованнаго русскаго человѣка; для историка литературы они—сущій кладъ: нравы, самый бытъ извѣстной эпохи отразились въ нихъ хотя быстрыми, но яркими чертами.

Позволю себѣ прибавить отъ своего имени, что я считаю избраніе меня дочерью Пушкина въ издатели этихъ писемъ однимъ

изъ почетнѣйшихъ фактовъ моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оцѣнить довѣріе, которое она оказала мнѣ, возложивъ на меня отвѣтственность за необходимыя сокращенія и исключенія.

Быть можетъ, я до нѣкоторой степени заслужилъ это довѣріе моимъ глубокимъ благоговѣніемъ передъ памятью ея родителя, ученикомъ котораго я считалъ себя, съ „младыхъ ногтей“, и считаю до сихъ поръ... „Vestigia semper adora“...

Впрочемъ, тщательный пересмотръ писемъ привелъ меня къ убѣжденію, что можно было ограничиться только самыми необходимыми и немногочисленными исключеніями; въ большинствѣ случаевъ исключенія эти обусловливаются излишней „энергіей“ фразы: Пушкинъ, какъ истый русскій человѣкъ, да и къ тому же въ письмахъ, носившихъ строго-частный характеръ, не любилъ стѣсняться.

Не должно также забывать, что со времени начертанія этихъ писемъ прошло почти полъ-вѣка—и что, слѣдовательно, когда дѣло идетъ о выясненіи такой личности, каковою былъ Пушкинъ, исторія вступаетъ въ свои права—и давность облекаетъ своимъ почтеннымъ покровомъ то́, что могло бы прежде показаться слишкомъ интимнымъ, слишкомъ близко касающимся отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

Сама дочь поэта, рѣшившись подѣлиться съ отечественной публикою корреспонденціей своего родителя, адрессованной къ его женѣ—ея матери—освятила, такъ сказать, наше право перенести весь вопросъ въ болѣе возвышенную и безучастную—какъ-бы документальную сферу.

Намъ остается искренне поблагодарить графиню Н. А. Меренбергъ за этотъ поступокъ, на который она, конечно, рѣшилась не безъ нѣкотораго колебанія—и выразить надежду, что ту же благодарность почувствуетъ и докажетъ ей общественное мнѣніе.

Иванъ Тургеневъ.

Парижъ.—Ноябрь, 1877.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ 1827 года, Пушкинъ возвратился, наконецъ, въ Петербургъ, послѣ своего семилѣтняго удаленія изъ столицы. Кишиневская жизнь, странствованіе по степямъ Новороссіи, поѣздки на Кавказъ, въ Крымъ,—все это образовало въ Пушкинѣ потребность къ передвиженіямъ. Уже въ началѣ 1828 года, въ письмѣ къ П. А. Осиповой, онъ сильно жалуется на столичную жизнь: „Признаюсь, что это (петербургское) житье довольно по́шло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ... Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, и съ трудомъ ихъ переношу“. Дѣйствительно, въ

1828 г., Пушкинъ дѣлаетъ опять безпрерывныя поѣздки, то въ свою деревню, въ Михайловское, то въ Тверь, то въ Москву. Во время поѣздки въ Москву, въ 1828 году, Пушкинъ въ первый разъ познакомился съ семействомъ своей будущей жены, Натальи Николаевны Гончаровой. Въ 1829 году, онъ предпринялъ большое путешествіе на Кавказъ и далѣе, въ Закавказье. Это было время турецкой войны. Пушкинъ пробрался въ лагерь Паскевича, присутствовалъ при взятіи Эрзерума, что̀ навлекло на него неудовольствіе, по возвращеніи въ Петербургъ,—отчасти потому, что присутствіе въ арміи не-военнаго человѣка было не въ обычаѣ того времени, а еще болѣе потому, что Пушкинъ, хотя и получилъ разрѣшеніе жить въ столицѣ, но оставался подъ надзоромъ, и, слѣдовательно, какъ отпущенный только на Кавказъ, не могъ, безъ особаго дозволенія, уѣхать въ Закавказье.

Этотъ надзоръ можно также отнести къ числу причинъ, побуждавшихъ Пушкина предпринимать изъ Петербурга постоянныя поѣздки. Онъ дѣйствительно очень стѣснялся своею столичною жизнью, и въ первыхъ числахъ января 1830 г. рѣшился, наконецъ, выдти изъ того положенія, въ которое былъ поставленъ. Съ этою цѣлью онъ обратился къ гр. Бенкендорфу, отъ котораго зависѣлъ, съ письмомъ, на французскомъ языкѣ: „Генералъ! явившись къ вашему сіятельству и не имѣвъ счастія застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпокоить. Въ мое отсутствіе г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію („Борисъ Годуновъ“), но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ небогатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы тысячъ въ 15 рублей, которыя могла бы доставить моя трагедія, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ я наиболѣе доволенъ. Поручая себя вашему благорасположенію, остаюсь“ и пр.

Такъ писалъ Пушкинъ въ январѣ 1830 года, а въ мартѣ онъ, неожиданно для друзей, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, 21-го апрѣля, сдѣлалъ предложеніе Н. Н. Гончаровой и получилъ ея согласіе; 18-го февраля 1831 года была ихъ свадьба.

Послѣ женитьбы, Пушкинъ также не провелъ ни одного года на мѣстѣ. Благодаря такимъ постояннымъ его странствованіямъ, послѣ него должна была остаться обширная переписка, которая до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не имѣетъ для себя полнаго изданія. Многое разсѣяно по различнымъ сборникамъ; многое, вѣроятно, остается въ рукописи, если только не утрачено навсегда. Издаваемая нынѣ переписка Пушкина съ его невѣстою, а потомъ женою, хранилась долгое время по смерти поэта у его вдовы, скончавшейся въ 1864 году, а потомъ перешла въ руки ея дочери, графини Натальи Александровны Меренбергъ, живущей постоянно въ Висбаденѣ. Она поручила, какъ мы видѣли выше, Ив. С. Тургеневу взять на себя просмотръ и приведеніе въ порядокъ этой переписки, а вмѣстѣ и окончательное рѣшеніе вопроса, что̀ изъ текста писемъ можетъ быть допущено въ пе-

чать и что́ должно быть исключено: или какъ имѣющее исключительно интимный, семейный характеръ, или какъ вообще неудобное для печати. Все это и объяснено выше самимъ Ив. С. Тургеневымъ.

Намъ остается присоединить къ тому описаніе внѣшности манускрипта—и тѣ правила, которыхъ мы держались при изданіи текста.

Всѣхъ писемъ числомъ—75. Всѣ они писаны на почтовой бумагѣ того времени, по бо́льшей части въ четвертку и на трехъ страницахъ: четвертая обыкновенно служила конвертомъ и на ней надписывался адресъ [1]). Только благодаря этому обстоятельству можно знать, къ кому было адрессовано письмо: Пушкинъ не имѣлъ обычая въ началѣ письма называть лицо, къ которому обращался, точно также, за весьма небольшимъ исключеніемъ, всѣ письма его вовсе не подписаны. Очень рѣдко попадаются въ концѣ текста начальныя буквы имени и фамиліи: *А. П.*; лицо, получившее письмо, конечно, по почерку могло узнавать автора. Почти никогда Пушкинъ не подписывалъ ни года, ни числа и мѣста отправленія; опять, благодаря четвертой страницѣ, легко возстановить хронологію и указать мѣсто: на этой страницѣ, служившей конвертомъ, наложенъ почтовый штемпель.

Всѣ письма 1830 года къ невѣстѣ, числомъ 12, за исключеніемъ № 8, писаны по-французски, и помѣщаются нами въ переводѣ, просмотрѣнномъ И. С. Тургеневымъ. Отдѣльныя слова въ нихъ и цѣлыя мѣста, написанныя самимъ Пушкинымъ по-русски, напечатаны курсивомъ; точно также курсивомъ напечатаны слова, оставленныя безъ перевода съ французскаго.

Письма къ невѣстѣ, Натальѣ Николаевнѣ, отдѣляются отъ послѣдующихъ затѣмъ писемъ къ женѣ письмомъ Пушкина къ тещѣ, Натальѣ Ивановнѣ Гончаровой (№ 13); оно написано по-французски и помѣщается также въ переводѣ. Затѣмъ, всѣ письма къ женѣ, отъ № 14 по № 75, были писаны по-русски и издаются съ точнымъ сохраненіемъ правописанія; выпущенныя мѣста или слова обозначены у насъ вездѣ точками въ такомъ же размѣрѣ, какой занимается пропущеннымъ текстомъ въ письмѣ.

Пушкинъ, объявленный женихомъ въ апрѣлѣ 1830 года, оставался въ Москвѣ до іюля. Въ іюлѣ онъ возвратился въ Петербургъ для переговоровъ съ отцомъ относительно своего будущаго состоянія. А въ это время его братъ отправлялся въ Москву,—и съ нимъ-то Пушкинъ послалъ свое первое письмо къ невѣстѣ, съ коротенькимъ извѣстіемъ о своемъ прибытіи на мѣсто. Этимъ письмомъ № 1 и начинается настоящее собраніе Пушкинской семейной переписки.

---

[1]) На бумагѣ нѣкоторыхъ писемъ водяные знаки: *1830—А. Гончаровъ*, и по краямъ широкіе вѣнки.

I.

ПИСЬМА КЪ НЕВѢСТѢ И ТЕЩѢ.

1830-й годъ.

I. Изъ Петербурга въ Москву.

№ 1.—На конвертѣ: *M-lle Natalie Gontcharoff.*—Отъ 20 іюля.

Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, при всемъ томъ, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. *Никита Андреевичъ* купилъ мнѣ *бричку*, которая сломалась на первой станціи—я починилъ ее булавками—на второй та же исторія—и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего *Всеволожскаго:* у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г. Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я разсчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. *Нат*(алья) *Кир*(илловна) въ деревнѣ. *Кат*(ерина) *Ив*(ановна) въ *Парголовѣ* (чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье). Что́ до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока m-me и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера.

Я тороплюсь—цѣлую руки *Натальѣ Ивановнѣ*, которую я еще не называлъ maman, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.—20 іюля.—Спб.

№ 2.—На конвертѣ: Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.—По почтѣ, но безъ штемпеля: помѣченъ рукою пріемщика одинъ нумеръ.—Между 20 и 30 іюля.

Передалъ ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не расписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ *Натальѣ Кирилловнѣ*. Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія.

—Вы жéнитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали; *Наташа* ничего мнѣ не писала. [Это не о васъ она говорила, а о *татап*]. Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла *Аѳанасія Николаевича*, *Натальи Ивановны*, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резоновъ:—*Наташа* знаетъ, какъ я люблю ее, *Наташа* мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, *Наташа* мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто.—Потомъ она много разспрашивала о *татап*, о *Николаѣ Аѳанасьевичѣ*, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ—и мы разстались друзьями. *Наталья Ивановна*, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ *Ивана Николаевича*. Я былъ на манёврахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать *Аѳанасію Николаевичу;* но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Что подѣлываетъ *la Grand'maman de Zavode*—бронзовая, разумѣется? Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Что́ вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете ли въ Ростовъ? будете ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь такого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это—такъ какъ вы меня всегда считаете *сочинителемъ*. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: *прошу любить и жаловать*. Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ.—До свиданья.

№ 3.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—По почтѣ, но опять безъ штемпеля, съ помѣткой почтоваго нумера отъ руки.—Отъ 30 іюля).

Вотъ письмо *Аѳ*(анасія) *Ник*(олаевича), которое мнѣ пересылаетъ *Иванъ Николаевичъ*. Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получитъ дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли *Натальи Ивановны*—и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки — тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ *Кат*(ерины) *Ив*(ановны); она въ Парголовѣ, у графини Полье,

которая почти сумасшедшая; она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣева, дочь Сперанскаго, присылала за мной, чтобъ вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей—но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей. *Аѳ*(анасію) *Ник*(олаевичу) слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную *Grand'maman*, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьёзно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только вотъ *Наталья Ивановна* согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо *Аѳ*(анасія) *Ник*(олаевича), я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это — другое дѣло. Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, *Канкрину*, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, *мой ангелъ*. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.—30 іюля.

Роспишетесь ли вы въ полученіи этого письма?

II. Въ Москву изъ поѣздки въ Болдино [1]).

№ 4.—На конвертѣ: Mademoiselle Natalie Gontcharoff.—Частнымъ путемъ [2]).—Въ концѣ августа.

Я отправляюсь въ *Нижній*, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права—и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ слу-

[1]) Помѣстье Пушкиныхъ, Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда.

[2]) Получивъ отъ отца, по случаю своей женитьбы, имѣніе въ селѣ Болдинѣ, Пушкинъ отправился, въ августѣ, для его осмотра, чрезъ Москву и Нижній. Эту записку онъ написалъ въ самую минуту своего отъѣзда изъ Москвы, послѣ какой-то размолвки съ будущей тещей, и уже простившись какъ съ нею, такъ и съ невѣстой.

чаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться.—*А. П.*

№ 5.—Было вложено въ конвертъ, не сохранившійся, а потому нѣтъ ни адреса, ни штемпеля.—Отъ 9 сентября.

Моя дорогая, моя милая *Наталья Николаевна*—я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она—часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантиновъ, которые начинаютъ установляться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ *Натальѣ Ивановнѣ;* цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностью. Сейчасъ же пишу *Аѳанасію Николаевичу*. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я только счастливъ тамъ, гдѣ вы.—9 сентября.—Болдино.

№ 6.—На конвертѣ: тотъ же подробный московскій адрессъ невѣсты.—Почтовый штемпель: Арзамасъ, 1 октября.

Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ *Богородицкѣ* не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено пять карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что можетъ меня утѣшать, то это—мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ, окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ — мы только

и видимъ это. Что вы подѣлываете, между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла, и что говоритъ *le Grand papa*? Знаете ли что онъ мнѣ писалъ? *La Grand'maman*, — говоритъ онъ, стоитъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами,—развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? *Мой ангелъ*, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, *un outchitel*, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять?—это нисколько не зазорно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантиновъ. Эти карантины не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, простите, мой ангелъ. Мои душевные поклоны *Натальѣ Ивановнѣ*, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и *m-r Serge*. Имѣете ли извѣстіе о другихъ?—30 сентября.

№ 7.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Почтовый штемпель: Арзамасъ, 16 октября. (Письмо проткнуто иглою по случаю холеры).

Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая *Наталья Николаевна*, пишите мнѣ, несмотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ что дѣлать? Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только *la canaille* умираетъ отъ холеры—все это прекрасно и превосходно; но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хорошій тонъ. Итакъ, вы въ деревнѣ, хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адрессъ и бюллетень о вашемъ здоровьѣ! Мы же окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что дѣлается на

бѣломъ свѣтѣ, и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ: какъ говорится — до святости. *Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда-ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крюкъ; а ѣхать прямо на Москву, значитъ, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какова? московскаго!).* Вотъ, по истинѣ, плохія шутки. *Je ris jaune,* какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей *maman;* мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ.—11 октября.

№ 8.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Почтовый штемпель: Арзамасъ, октября 30 (проткнуто).

NB. Весь текстъ по-русски.

Милостивая государыня, Наталья Николаевна, я по французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ по-русски, а вы, мой Ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по чухонски да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт., получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я пренещастное животное ужъ безъ того. Гдѣ вы? что́ вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ. Братъ мнѣ не пишетъ, полагая, что его письма, по обыкновенію, для меня не интересны. Въ чумное время дѣло другое; радъ письму проколотому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ—и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я пріѣду къ вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т.-е. въ московской деревнѣ, то пріѣду къ вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей-богу не шучу—но напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо адрессуйте: въ Лук. (ояновскій) уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цѣлую ручки у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

№ 9.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Почтовый штемпель: Арзамасъ, ноября 6 (проткнуто).

9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ!—мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась.

Не достаточно ли этого, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ *Лукоянова* до Москвы 14 карантиновъ. Чего лучше? Теперь я разскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ—онъ хочетъ посмотрѣть его—дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящичкахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ — овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ „*Кавказскаго плѣнника*“:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука,
Пройдетъ любовь, настанетъ скука—

и т. д.... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ—я хочу сказать: *revenons à nos moutons*. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, *Адріана*, который отъ этого большіе барыши получаетъ. Но, *Наталья Ивановна*, но вы! — ей-же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добраться до васъ. Думаю, что *Вятка* еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ: *въ Абрамово, для доставленія въ Болдино;* ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки.— 4 ноября.

Мои поклоны всему семейству.

№ 10.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Почтовый штемпель: Арзамасъ, ноября 20 (проткнуто).

Болдино, 18-го ноября.—Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы, — 14 карантиновъ были только аванпостами, а настоящихъ карантиновъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. Владимірская); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней

Ин-т Русск. Лит-ры Библиотека АН СССР
83194

остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную:—*Вы не по казенной надобности изволите ѣхать?—Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей.—Такъ изволите ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ.—Давно ли?—Да ужъ около 3-хъ недѣль. — И эти* [illegible] *губернаторы, не даютъ этаго знать?—Мы не виноваты-съ.—Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этаго легче? Нечего дѣлать—ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной,—сижу въ Болдинѣ, да кисну.* Вотъ какимъ образомъ я продѣлалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется перемѣшать пакеты, такъ что *Арзамасъ* получаетъ почту изъ *Казани*, *Нижній* изъ *Лукоянова*, и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь, не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставлю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На-дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, *мой Ангелъ;* будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ. Простите.

№ 11.—Конвертъ не сохранился; письмо проткнуто. — Подписано: 26 ноября.

Судя по вашему письму, отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я, верстъ за тридцать отсюда, къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантиновъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь, и что жители всѣ оставили городъ. Это по-

Библиотека АН СССР

слѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ *Нижній*. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ *Лукояновѣ* (такъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ, *comte de l'an 40*) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Пріѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не найти васъ тамъ, и если бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ, слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, пріѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинами моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ *Нижній*. Переѣхавъ во владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не зналъ; такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то-есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблаговолите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говоритъ, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣетесь надо мной.

Затѣмъ, кланяюсь вамъ.—26 ноября.

Абрамово — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ полагаете — а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; *Лукояновъ* отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ наслово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе [1]). Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ непріятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ,

[1]) Упоминаемыхъ документовъ нѣтъ при письмѣ.

что холера опустошаетъ *Нижній*. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

Къ № 11.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Отправлено въ дополненіе предъидущаго письма частнымъ путемъ и потому не проткнуто; подъ адрессомъ подпись: „самонужнѣйшее". — Въ концѣ ноября.

Вотъ и еще одинъ [1]) документъ. Переверните страницу.

Я остановленъ въ карантинѣ Платова. Меня не впускаютъ, потому что я на *перекладной*, такъ какъ экипажъ мой сломанъ. Умоляю васъ дать знать князю *Дмитрію* Голицыну о моемъ несчастномъ похожденіи и просить его употребить свое вліяніе для моего пропуска въ Москву. Привѣтствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку и все семейство. На-дняхъ я писалъ вамъ письмо, нѣсколько жёсткое, — но это потому, что у меня голова шла кругомъ—простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ раскаяваюсь. Вотъ я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу ли я васъ черезъ 75 дней.

P. S. Или вотъ что: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

№ 12.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Отправлено частнымъ путемъ, но проткнуто.—Отъ 2 декабря.

Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней—послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Платовскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ непріятности, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непремѣнно принялъ бы эту должность, если бы въ то же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена, и въѣздъ

---

[1]) Вѣроятно, въ дополненіе къ двумъ вышеупомянутымъ. Собственно, этотъ документъ есть отвѣтное письмо Пушкину Д. Языкова, изъ Нижняго. Вотъ его текстъ, съ сохраненіемъ орѳографіи:

Monsieur! Je m'empresse de vous envoyer un certificat, que j'ai obtenu pour votre depart. Je prend part a votre position ayent moi même des parents a Moscou, et je conssois le desir que vous avez d'y retourner. Bien charmé d'avoir put vous être utile, en cette ocasion et vous souhaitant un voyage heureux, je me dit, Monsieur, avec l'estime la plus parfaite votre tres humble serviteur—Dmitri Jasikoff.

le 22 novembre, 1830.—Nigni.

На оборотѣ этого письма Пушкинъ и сдѣлалъ свою приписку.

запрещенъ. Затѣмъ, мои несчастныя попытки убраться; потомъ извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ, ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ *Нижнемъ* ради этой *sacrée* княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Г.? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жёсткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ, и въ эту минуту не желаю ничего больше. *Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда насъ на двѣ недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!*

Нижній больше не оцѣпленъ—карантины были уничтожены во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Если бы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинами, то вы все-таки не могли бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и *m-r Serge*.—2 декабря.—Платово.

1831-й годъ.

№ 13.—Конвертъ этого письма къ тещѣ въ Москву не сохранился.

Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Наталі, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ *Аѳанасію Николаевичу* притязанія г-на П.....а. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на П.....а принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ-концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позво-

ляю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и съумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться на счетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что́ предполагалось сдѣлать въ отношеніи Наталі́; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, несмотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ въ займы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что́ вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій и послушный слуга — Александръ Пушкинъ.

Царское-Село 26 іюня 1831.

II.

ПИСЬМА КЪ ЖЕНѢ.

1831-й годъ.

I. Въ Петербургъ изъ поѣздки зимою въ Москву.

№ 14.—На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ. — Почтовый штемпель: Москва, 7 декабря.

. . . . . .

. . . . . [1])

Сегодня мочи нѣтъ усталъ—Цалую тебя женка, мой Ангелъ. 6 дек.

---

[1]) Выѣхавъ изъ Петербурга по личнымъ дѣламъ, Пушкинъ, очевидно, далъ слово женѣ извѣстить ее хоть въ нѣсколькихъ строкахъ о своемъ прибытіи въ Москву — что́ и исполнилъ. Записка написана карандашомъ, и первыя ея двѣ строки отрѣзаны въ оригиналѣ. Эта записка имѣетъ въ настоящемъ своемъ видѣ одно значеніе точнаго указанія дня, когда Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву.

№ 15.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 9 декабря.

Здраствуй, женка мой Ангелъ. Не сердись, что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itinerаire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что по причинѣ оттепели долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человѣка съ собою не взялъ въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхарковался въ углу. Другой мемельскій жидъ, путешествующій на щетъ перваго. Вообрази какая веселая кампанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь акуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его во всю дорогу приятнымъ разговоромъ, на примѣръ по нѣмецки разказывалъ ему *Ivan Wijiguin;* (ganz charmant!). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), приятель мой Жемчужниковъ, Фр. Когтова и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимнія экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его *у Пречистинскихъ воротъ въ домѣ Ильинской* (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцаловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и с...о, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются; очень разпрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю сплетни, а сплетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніе вѣроятно не явлюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ вѣроятно скоро кончу; о твоихъ бриліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ что я ужасный розтовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелькомъ. Къ стати: я кошелекъ обратилъ въ мошну, и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положеныхъ имянинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ восхищеніи отъ Царя, и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ

80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени коменданской лѣстницы. Душа моя, женка моя, Ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ, и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли недавать. Брюловъ пишетъ-ли твой портретъ? была-ли у тебя Хитрово или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрилей не пляши ничего; напиши, не притѣсняютъ-ли тебя люди, и можешь ли ты съ ними сладить. За симъ цалую тебя сердечно. У меня гости. — 8 дек.

№ 16.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 11 декабря.

Я все боюсь, чтобъ ты не прислала билетовъ на старую квартиру Нащокина и тѣмъ не замѣдлила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ Англ. клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ *Теодоръ и Розалія*, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора. Все это однакожъ не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ П. Б. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т.-е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться, и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе, да полно я слушаться ея не намѣренъ. Цалую тебя и прошу ходить взадъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать.—Христосъ съ тобой.—10 дек.

№ 17.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 16 декабря.

Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ, что онъ изтратилъ на меня 200 рублей. Алешкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по моему пріѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя безпокоить, а они какъ я вижу обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли пустить къ тебѣ Ѳомина, когда ты принять его не хотѣла? да и

ты хороша. Ты пляшешь по ихъ дудкѣ; платишь деньги, кто только попроситъ—эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ какъ приступятъ къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣлаюсь по моемъ пріѣздѣ. Василія вѣроятно принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной—enfin de faire maison nette; все это очень досадно.—Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать. Тебя, мой Ангелъ, люблю такъ что выразить не могу; съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, я только и думаю какъ бы удрать въ П.Б., къ тебѣ, женка моя.—Разпечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и недружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьозно и съ безпокойствомъ. Письмо Б. ты хорошо сдѣлала что отослала—дѣло не о чинѣ, а все таки нужное.—Жду его.—На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солданъ, вечеръ у Вяземскаго—и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ; и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ—о своемъ здоровьи. На хоры не ѣзди—это мѣсто не для тебя.

№ 18.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 19 декабря (писано карандашомъ).

Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое *vertige?* обмороки или тошнота? видѣлась-ли ты съ бабкой? пустили-ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь... За чѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ пріѣду.—Голкондскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ, и въ новый годъ вывезу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащ. занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякой кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго—что дѣлать? Между тѣмъ денегъ

у него нѣтъ, кредита нѣтъ—время идетъ, а дѣло мое не разпутывается. Все это по неволѣ меня бѣситъ. Къ тому же я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое вѣроятно будетъ пахнуть бобковой мазью какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко—званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова—не женатаго (утѣшься). Вчера Нащ. задалъ намъ цыганской вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ.—Тоска, мой Ангелъ—до свиданія.—16 дек.

1832-й годъ.

II. Въ Петербургъ изъ поѣздки осенью въ Москву.

№ 19.—На конвертѣ:—М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ С.-Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алымова. — Штемпель: Москва, 22 сентября.

Четвергъ. Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву, вчера въ середу. Велосиферъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади разковывались, и неслыханная вещь! ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. На силу дотощился въ Москву, обо[illegible]нную дождемъ и встревоженную пріѣздомъ двора. Теперь послушай съ кѣмъ я путешествовалъ, съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ, онѣ со мною амурились въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькой Іосифъ вышелъ чистъ отъ искушенія. Пріѣхавъ въ Москву, поскакалъ отыскивать Нащокина, нашелъ его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онъ к..., и видитъ что это состояніе пріятное и независимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ кн. Вяз.; княгиня завезла меня меня во фр. театръ, гдѣ я чуть было незаснулъ отъ скуки и усталости. Пріѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь со 20-го

числа и сегодня ѣдетъ къ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ увидѣться, хоть было бы и нужно. Великая Княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ еще безпокоенъ, и Государь не принялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, а я, мой Ангелъ, не мѣшкая ни минуты поскачу въ П. Б. Не можешь вообразить какая тоска безъ тебя. Я-же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго пьяницу, который спитъ, не проспится, ибо онъ и пьяница и дуракъ; на Ирину Кузминичну, которая съ тобою воюетъ; на Ненилу Ануфріевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха, и что Спасскій? Ахъ, женка душа! что съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

№ 20.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 26 сентября.

Какая ты умнинькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клобѣ. Каретникъ мой плутъ; взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяцъ карета моя — хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полу-талантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но за то не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Къ стати: смотри, не брюхата-ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верьхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской въ приходѣ вознесенія [1]). Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другова, нещастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А нещастной любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ, что нещастной любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правдали, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ Плетневу похвально, но соберешься-ли ты? съѣзди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней

[1]) Это—день свадьбы Пушкина.

отправлялся обозъ, и я было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ. Актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣшенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу, и разказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашинкахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякой день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвичьей, но только не .... Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Букли я отослалъ къ Малиновскимъ, они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ — мой Ангелъ, милая моя женка. Покамѣсть прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь-ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и цалую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ. — Воскресеніе.

Важное открытіе: Иполитъ [1]) говоритъ по французски.

№ 21.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 27 сентября.

Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три. — Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать.—Не хорошо только что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать П....а тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ потому что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Въ слѣдствіи сего деру тебя за ухо и цалую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно; хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot. Былъ вечоръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasof, который такъ же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Иполитъ принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ—а въ

[1]) Камердинеръ Пушкина.

Московскомъ Университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это приятно щекотитъ мое самолюбіе. Опять тревога—Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ пастилою. Прощай, Христосъ съ тобою и съ Машею.

Вторникъ.

Цалую ручку у К. Ив. Не забудь же.

№ 22.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 30 сентября.

Вотъ видишь что я правъ: нечего было тебѣ принимать П....а. Просидѣла бы ты у Идаліи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не к...-ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не Ангелы прелести, не Мадоны etc. etc.— Знаешь русскую пѣсню—

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ.—Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для Альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ Университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы какъ торговки на вшивомъ рынкѣ) а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія [1]). Передай это Вяземскому. Благодарю, душа моя, зато что въ шахматы учишься. Это непремѣнно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у кн. Вяз.; слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Салогубъ, гр. Пушкина (Владиміръ), Aurore, ея сестра, и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Салогубъ (съ тѣткой, entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ че-

[1]) Профессоръ Каченовскій, прекратившій не за-долго предъ тѣмъ изданіе „Вѣстника Европы“, гдѣ онъ нападалъ на Пушкина.

редомъ. Съ Нащокинымъ вижусь всякой день. У него въ *домикѣ* былъ пиръ: подали на столъ мышенка въ смѣтанѣ подъ хрѣномъ въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я вѣроятно за него примусь; но покамѣсть, голова моя кругомъ идетъ при мысли о Газетѣ. Какъ то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ. Цалую Машу и благословляю, и тебя то-же, душа моя, мой Ангелъ. Христосъ съ вами.

№ 23.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 3 октября.

По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія. 1) Русской человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и доѣхавъ до мѣста свинья свиньею, идетъ въ баню, которая наша вторая мать. Ты развѣ не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ—а я въѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другова дня. Видишь-ли что я правъ а что ты кругомъ виновата? Виновата 1) потому что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь съ досады на меня Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка!— —Но оставимъ это. Ты мнѣ кажешься, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь щеты, доишь кормилицу—ай да хватъ баба! Что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. На силу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставлю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ [1]) здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и пріѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ управленіе имѣнія, и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскія ѣдутъ послѣ 14, а я на дняхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю куда головы преклонить. Хочешь камеражей? Горскина вчера вышла за к. Щербатова, за младенца. Красавицъ Безобразовъ кружитъ здѣш-

[1]) Гончаровъ.

нія головки причесанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори отцу, онъ станетъ безпокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-соловѣйкѣ. Москва ожидаетъ Царя къ зимѣ, но кажется напрасно. Прощай, мой Ангелъ, цалую тебя и Машу. Прощай душа моя—Христосъ съ тобою.

1833-й годъ.

III. Въ Петербургъ изъ путешествія въ Оренбургъ и Уральскъ.

№ 24.—На конвертѣ: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санктпетербургъ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.—Штемпель: Торжокъ, 21 августа.

Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одисея. Ты помнишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго мосту—Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ; веровка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше, и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастію вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что то было съ вами Петербургскими жителями? Не было-ли у васъ новаго наводненія? что если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по дорогѣ змѣй, которыя обрадовались съдуру солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно, и теперь отправляюсь въ сторону въ Ярополецъ [1])—а Соболевскаго оставляю на единѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой Ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, стращая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону въ лужѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Яропольца. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Синбирскѣ. Пиши мнѣ о своей груд-

[1]) Имѣнье Гончаровыхъ.

ницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не съ кѣмъ. Однако все таки не кокетничай. Кланяюсь и цалую ручку съ Ермоловской нѣжностію Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цалую крѣпко и всѣхъ васъ благословляю тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому когда увидишь, скажи ему, что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься, и поговорить объ Альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорогою.

№ 25.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 26 августа.

Ты не угадаешь, мой Ангелъ, откуда я къ тебѣ пишу: изъ Павловска; между Берновомъ и Малинниковъ, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много разказывалъ. Вчера своротя на проселочную дорогу къ Яропольцу, узнаю съ удовольствіемъ, что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мнѣ какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ, Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и съѣздилъ въ Малинники; но и та ужъ подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковіи Александровны Рейхманъ, который поподчивалъ меня шнапсомъ. Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не поѣду, зная что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я варенъемъ и проигралъ три рубля въ дватцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; также ли ты хороша какъ сказываютъ—и какая ты: *брюнетка* или *блондинка*, *худинькая* или *плотнинькая*? Завтра чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Ярополицъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Ярополицѣ (виноватъ: въ Торжкѣ) толстая m-lle Pojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица, что я встрѣтя ее (?) ахнула. А надобно тебѣ знать что m-lle Pojarsky ни дать ни взять m-me George, только немного постарѣ. Ты видишь, моя женка, что слава твоя разпространилась по всѣмъ уѣздамъ. Довольна-ли ты? будьте здоровы всѣ, помнитъ ли меня Маша, и

нѣтъ-ли у ней новыхъ затѣй? Прощай, моя плотнинькая брюнетка (что-ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться. Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ имянинъ. Глядѣлась-ли ты въ зеркало, и увѣрилась-ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ—а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цалую тебя крѣпко.

№ 26.—Конвертъ не сохранился.—Изъ Москвы, 26 августа.

26 авг.—Москва. Поздравляю тебя со днемъ твоего Ангела, мой Ангелъ, цалую тебя заочно въ очи—и пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій—изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Ярополица. Въ Ярополицъ пріѣхалъ я въ середу поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нее лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нее. Много говорили о тебѣ, о Машкѣ, и о Кат. Ив.—Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось бы, чтобъ ты будущее лѣто провела у нее. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разореномъ дворцѣ, и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе приятели, водилъ меня на его гробницу, и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Ярополица. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прибудутъ съ вареніемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, женка, послушай что дѣлается съ Дм. Ник. [1]). Онъ какъ владѣтельный принцъ влюбился въ гр. Н. Черн. *по портрету*, услыша, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церквѣ. Вотъ онъ и полезъ на стѣны. Пишетъ изъ заводовъ, что онъ безъ памяти отъ la charmante et divine comtesse, что онъ ночи не спитъ, et que *son charmant image etc.*, и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., чтобъ она просватала за него la charmante et divine comtesse; Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой, и выполнила комиссію. Позвали la divine et charmante, которая отказала на отрѣзъ. Нат. Ив. безпокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А на-

[1]) Гончаровымъ.

добно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимою, и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ М.....у (святому), для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: *Митрофанъ, хочешь-ли ты жениться?* Видишь какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. М.....ъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью, и пріѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ [1]) меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрьева къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ. Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ заимодавцевъ, какъ настоящій gentlemen и скупаетъ свои векселя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не общитывая товарища. 2) Не п..... ни явнымъ ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были скверныя; меня насилу тащили шестерней. Въ Казанѣ буду я около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цалую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановнѣ.

№ 27.—Конвертъ не сохранился. Изъ Москвы, 27 августа.

Вчера были твои имянины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой Ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Киреевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ѣду послѣ завтра—прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера пріѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также имянинница. Я не поѣхалъ за неимѣніемъ бальнаго платья, и за небритіе усовъ, которыя отрощаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извощиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ три салопницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и въ фурашкѣ, да кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который говорятъ женатъ на красавицѣ.

[1]) Старикъ Гончаровъ.

Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни братъ его не умирали—а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тезка его князь Петръ Долгорукой—получивъ какое-то наслѣдство, и не успѣлъ его промотать въ Англ. клобѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ клобѣ я не былъ—чуть-ли я не изключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу, а я весь Англійскій клобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другія мои старыя знакомыя. Но мнѣ надоѣли мои старыя знакомыя. Никого не увижу. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Разтопчинымъ въ годъ когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію бродилъ я по книжнымъ лавкамъ, и ничего путнаго не нашелъ. Книги взятыя мною въ дорогу перебились, и перетерлись въ сундукѣ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ нянею: прибью. Цалую тебя. Кланяюсь теткѣ.—Благословляю Машку съ Сашкой.

№ 28.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Штемпель: Нижній, 2 сентября.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженкой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ щастія съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей, я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу догащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятыя сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только тебѣ: les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien baties. Ѣду на ярманку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра отправляюсь въ Казань.

Мой ангелъ, кажется я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги, Параша, поваръ, извощикъ, аптекарь, m-me Sichler etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься—сердишься на меня—и по дѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что если у тебя опять нарывы, что если Машка больна? А другія, непредвидѣнныя случаи.—Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну—и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Синбирскѣ, и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркія, съ утра маленькія морозы—роскошь! такъ-ли у васъ?

Гуляешь-ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще въ заперти. Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я и ревную ее къ тебѣ, но прошу Христомъ и Богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цалую всѣхъ васъ равно крѣпко—тебя въ особенности.

№ 29.—Конвертъ не сохранился.—Изъ Нижняго, 2 сентября.

Мой Ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиняться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для смотрителей, которыя очень мало меня уважаютъ несмотря на то что я пишу прекрасныя стишки. У него засталъ я его дочерей, и В[illegible]скаго le c[illegible], который скачетъ изъ Казани къ вамъ въ П. Б.—Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу, я не поѣхалъ жалѣя своихъ усовъ, которыя только лишь ощетинились. Обѣдалъ у Суденки моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть—но у него 125,000 доходу, а у насъ, мой Ангелъ, это впереди. Жена его тихая, скромная, не-красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моей имянинницы, и выпили мы всѣ не морщась по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащокина да какой вечеръ! шампанское, лафитъ, зазженный пуншъ съ ананасами—пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевскаго.—Sacré chien, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію, pourquoi n'êtes vous pas venu me voir?—Animal, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ, qu'avez vous fait de mon manuscript petit-Russien? Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ какъ ни въ чемъ не бывало, онъ—держа меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виноватъ: втроемъ съ бутылкой мадеры.) Потомъ для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерледями и съ жженкой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признанье. Сказать-ли тебѣ словечко, утерпитъ-ли твое сердечко? Я нарочно тянулъ письмо разказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобъ какъ можно позже дойти до сего роковаго мѣста; ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ

Москвы къ мужу, и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и на разпѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете.—Право? сказалъ я и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью, и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну это еще не бѣда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго—онѣ отстали за 3 или 4 станціи—и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь: хороша-ли городничиха? Вотъ то-то что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю.—Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у Губернатора ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярманка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впѣчатлѣнія бальнаго разъѣзда, когда карета Гончаровыхъ ужъ уѣхала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ея тетку—я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цалую куда ни попало. Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro.—

№ 30.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Казань, 11 сентября.

Казань, 8 сентября.—Мой Ангелъ, здраствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Синбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разпрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все что предполагалъ видѣть и въ концѣ сент. быть въ деревнѣ. Здорова-ли ты? здоровы-ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ какъ котенокъ и у которой уже два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій—вотъ онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно—теперь некогда.—Цалую тебя.

№ 31.—Безъ конверта.—Изъ окрестностей Симбирска, отъ 12 сентября.

Село Языкова, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября.—Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ, и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой Ангелъ — но я все таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ? Ну такъ и быть—дай Богъ теперь быть тебѣ здоровой.—Я радъ что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣстъ. Объ И... Н... говорить нéчего. Надѣюсь, что свадьба его разстроится. По всему видно что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика; а съ отцемъ и съ дядей-башмачникомъ дуэля кажется не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его—но ужъ по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень безпокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди сдѣлаешь новыя долги не разплотясь со старыми. Я путешествую кажется съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино, и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings сороколѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами, и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двести какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ разхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ П. Б., съ чемъ тебя и поздравляю. Мужъ ея умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень—и я радъ что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ (нимъ) вечеръ, и оста-

вилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангелъ женка. Цалую тебя и всѣхъ васъ—благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат. Ив. и брату С.

Пиши мнѣ въ Болдино.

№ 32.—На конвертѣ: Ея Превосходительству, М. Г. Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской, въ Спб., въ Зимнемъ Дворцѣ, для дост. Н. Н. Пушкиной.—Штемпель: Симбирскъ, 14 сентября.

Симбирскъ, 14. — Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я чтобъ его затравить. На третій станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу нѣтъ ямщиковъ—одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться, и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что-же? не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не взвезутъ—около меня человѣкъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ какъ Богъ помогъ—наконецъ взѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ—анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? какова ты и дѣти? Цалую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о всякомъ вздорѣ до тебя касающемся. Кланяюсь теткѣ.

№ 33.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Оренбургъ, 19 сентября.

Оренбургъ, 19 сент.—Я здѣсь со вчерашняго дня. На силу доѣхалъ — дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дни три—и отправляюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.—

Что, женка? скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да не льзя, мой ангелъ — взялся за гужъ, не говори что не дюжъ—то есть уѣхалъ писать, такъ пиши-же романъ за романомъ, поэму за поэмой.—А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ—я и въ коляскѣ сочиняю, что-жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ московского канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодныя, дорожныя рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги, и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ меня да и только. Свѣтъ-то мой Ипо-

литъ! Къ стати о Хамовомъ племени: какъ ты ладишь своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь-ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мущинами какъ тебѣ ладить? Все это меня безпокоитъ—я мнителенъ какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья—и тебѣ, женка. Прощай, женка—не жди отъ меня ужъ писемъ, до самой деревни. Цалую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю—и на дняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь-ли ты, что есть пословица: На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ.

№ 34.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Лукояновъ, 4 октября.

2 окт.—Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня—думалъ здѣсь найти отъ тебя письма, и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова-ли ты? здоровы-ли дѣти? сердце замираетъ какъ подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то-ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамошній Атаманъ и козаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду—и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ [23 сентября] вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній (годъ) была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратной же путь послалъ онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и также озлился на нихъ какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей сто-

роны я передъ тобою чистъ какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80 лѣтними старухами. А на молоденькихъ за... шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцовъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75 лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нее не отставалъ, виноватъ и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею. Въ воскресеніе приходитъ почта въ Абрамово, надѣюсь письма—сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать. Прости—оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цалую тебя, женка—будь умна и здорова.

№ 35.—На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пантелеймона, близъ Цѣпнаго моста, въ домѣ Оливье. — Штемпель: Луковновъ, 10 октября.

Мой Ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь прибавлять *въ Арзамасскомъ уѣздѣ*; а то чего добраго: въ Нижег. губ. можетъ быть и не одно село Абрамово; такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня безпокоятъ: то что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не стращай меня, женка, не говори что ты изкокетничалась; я приѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мѣль. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пуг(ачевѣ), а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплотимъ половину долговъ, и заживемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцалуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣздою; каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софьи Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать. Жаль что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Б.....ъ умно дѣлаетъ, что женится на к. Х....ой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хо-

зяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужія стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ, и не сердись на Нащокина: слава Богу что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; плюнь да и только. Что такое 50 р. присланныя тебѣ моимъ отцемъ? ужъ не проценты-ли 550, которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго? Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во первыхъ деньги, а во вторыхъ свободное время. А у меня ни того ни другаго. Какова Краевская? недаромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь съ твердостію, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фикельмоны пріѣхали? радуюсь за тебя; какъ-то мой Ангелъ, удадутся тебѣ балы? . . . . . Прощай, душа. Я что то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болитъ, какъ у Александрова. Цалую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай.—8 окт.

№ 36.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: станція Абрамово, 11 октября.

Мой Ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу и попроси его, чтобъ онъ *къ моему пріѣзду* велѣлъ переписать изъ Собранія Законовъ (год. *1774* и *1775* и *1773*) всѣ указы относящіяся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое .....? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не стращай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ Ц., ни съ женихомъ княжны Любы. Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу—и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь что Смирдинъ акуратенъ. На дняхъ пришлю ему стиховъ.—Знаешь-ли что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ—передъ нимъ стоитъ штофъ *славнѣйшей* настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и ужъ начнетъ писать!—Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ взяла не только лицомъ да и фигурой. Чего тебѣ больше. Прости, цалую васъ и благословляю. Теткѣ цалую ручку. Говоритъ-ли Маша? ходитъ-ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю.—Прощай.—11 окт.

№ 37.—Тотъ же адрессъ, съ той же станціи, 25 октября.

Получилъ сегодня письмо твое отъ 4-го окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресеніе не получилъ отъ тебя письма, и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не помѣшаетъ тебѣ отличаться на нынѣшнихъ балахъ. Видно Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна ни покрышки! кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности повѣденія, которое относится не къ *тону*, а къ чему то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С[illegible]— Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскія. Княгинѣ В. скажи, что напрасно она безпокоиться о портретѣ Вигеля и что *съ этой стороны* честное мое повѣденіе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ, я поставлю его портретъ *сзади* всѣхъ другихъ. Къ стати: она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова несдержала; попѣняй ей отъ меня. Жуковскаго и Вельгорскаго вѣроятно ты уже видѣла. Что Ж.? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ Правда-ли? Чтожъ ты хотѣла женить его на К. Н.? и что К. Н., будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресеніе вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для pâtés de foie gras, и который для того затѣваетъ Альманахъ. Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о стихахъ (что я говорю *просьбы*: приказанія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая *Пускина?* Ужъ эти мнѣ зубы!—а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него. О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ что со мною дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ! Приѣду оживиться твоею молодостію, мой Ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться, взялся за гужъ, не скажу что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодари мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цалую ей ручки и прошу,

ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей.—Машку, Сашку рыжаго и тебя цалую и крещу. Господь съ вами.—Прощай, спать хочу.—21 октября, Болдино.

№ 38.—Безъ конверта.—Изъ Болдина, отъ 30 октября.

Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты кажется не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься что за тобою, [illegible], бѣгаютъ [illegible]; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Парасковьи Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; [illegible]. Вотъ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будутъ.* Къ чему тебѣ принимать мущинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой Ангелъ, цалую тебя какъ ни въ чемъ не бывало; и благодарю за то что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой к.... не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которыя, какъ ты пишешь, вѣроятно уже открылись.—Да, Ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь какъ я не люблю все что пахнетъ московской барышнею, все что не comme il faut, все что vulgar.... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый простой, аристократическій тонъ измѣнился; разведусь, вотъ те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь какъ я живу и похорошѣлъ ли я? Во первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; *усъ да борода—молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ.* 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно разписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верьхомъ, въ 5 въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ, да

грешневой кашей. До 9 часовъ—читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердит(ь)ся: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону—никакъ не попалъ на Дерптъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф. Н., княгинѣ и княжнамъ Вяз(емскимъ). Политикѣ скажи, что за ея поцалуемъ явлюсь лично, а что де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христосъ съ вами.—Благословляю и цалую васъ.—30 окт.

№ 39.—Прежній адрессъ, съ той же станціи, 8 ноября.

Болдино, 6 ноября.—Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню что я тебѣ писалъ. Помнится я былъ немножко сердитъ, и кажется письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои приятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: *уваженія*. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; к...., у которой переняла ты прическу [NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью] Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: *à la plus facile*. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—Для тебя, женка; чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c.—не говоря объ с....., о коемъ прочелъ я на дняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ.

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ также неспособенъ какъ и къ военной, но у него по крайней мѣрѣ .... здоровая и на сѣдлѣ онъ все таки далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается что мы безъ европейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда-нибудь,

да до него доберемся—тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говоритъ у насъ засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣсть совѣтую ему бить баклуши, занятіе приятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но опека такъ ограбила его, что нельзя и подумать; развѣ не заступится-ли Бенкендорфъ: попробую пріѣхавъ въ П. Б.—При семъ письмо къ отцу—вѣроятно уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого: а то альманашники заѣдятъ меня. Цалую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя Сашку, и Машку; цалую Машку—и такъ далѣе, до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинымъ имянинамъ. Да Богъ вѣсть.

Пушкинъ возвратился домой только 28 ноября, и провелъ всю зиму съ 1833 г. на 1834 г. въ Петербургѣ, занятый изданіемъ своей „Исторіи Пугачевскаго бунта“.

НОВЫЯ ПИСЬМА
А. С. ПУШКИНА

ІЮЛЬ 1830—МАЙ 1836 Г.*

Весною 1834 года, Пушкинъ отправилъ свою семью къ роднымъ въ деревню, а самъ прожилъ все лѣто въ Петербургѣ. Это обстоятельство дало поводъ къ обширной перепискѣ. Въ августѣ Пушкинъ отправился за женою, перевезъ ее въ Москву, откуда она съ дѣтьми возвратилась въ Петербургъ, а самъ проѣхалъ дальше въ свое Болдино, Нижегородской губерніи, чтобы лично изслѣдовать причины разстройства это имѣнія.

1834-й годъ.

IV. Изъ Петербурга въ Москву и въ деревню: Яропольцъ и Полотняные Заводы.

№ 40.—На конвертѣ: Ея Благородію М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.—Штемпель: Спб., 17 апрѣля.

17-го апрѣля.—Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Сашка и Машка? Христосъ съ вами! будьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Жду отъ тебя письма изъ Новагорода, а покамѣсть, вотъ тебѣ отчетъ о моемъ холостомъ житьѣ-бытье. Третьяго-дня возвратился я изъ Царскаго-села въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля, и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не

---

* См. выше: январь, стр. 7.

былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ въ тотъ-же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литте во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des regles fixes, des regles fixes. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ—ни за какія благополучія! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-r Jourdain. Поутру сидѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма и ожидая, чтобъ ты, мой Ангелъ, позвонила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ вспомнилъ я, что я хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужъ оскоромился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме, и покамѣсть стали приводить въ порядокъ библіотеку, тетка пріѣхала спросить о тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою комиссію, поговорили о тебѣ, потужили, побезпокоились, и рѣшились тебѣ подтвердить наши просьбы и требованія—беречь себя и помнить наши наставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали подчивать меня шампанскимъ и пуншемъ, и спрашивать, не поѣду-ли я къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться ужъ болѣе не намѣренъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану батвинью и beafsteaks. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся въ 7 часовъ, и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе.—Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня—буду ей писать, а покамѣсть обнимаю и цалую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.—

№ 41.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Спб., 19 апрѣля.

Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я разпечаталъ изъ любопытства и скупости (чтобъ меньше платить на почту вѣсовыхъ денегъ), также и рецептъ капель. Сдѣлай милость не забудь перечесть инструкцію Спасскаго, и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче, а мнѣ!... Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужъ у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь осторожна, пляши умѣренно, гуляй по немножку, а пуще скорѣе добирайся до деревни. Цалую тебя крѣпко и бла-

гословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай куда рада, что можетъ въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ повѣденіи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только батвинью да beafsteaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную батвинью; Левъ Серг. хлѣбаетъ двѣ тарелки, утираетъ осетрину; наконецъ требуетъ вина, ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина.—Какъ, нѣтъ?—Алекс. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник., я на діэтѣ—и пью воду. Надобно было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣича—который уже ко мнѣ вѣроятно обѣдать неявится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ—и подчивалъ Льва Сергѣича, который чинился и отказывался. Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невинныхъ упражненій. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новагорода, и тотчасъ понесу его Кат. Ивановнѣ. Покамѣсть—прощай, Ангелъ мой. Цалую васъ и благословляю. Вчера былъ у насъ первый громъ—слава Богу, весна кончилась.—19 апрѣля.

№ 42.—Конвертъ утраченъ.—Писано во второй половинѣ апрѣля.

Пятница.—Ангелъ мой, женка! сей часъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ—и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что репортуюсь больнымъ и боюсь Царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди; и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою няньку [1]); второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю; отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить с[illegible] съ моимъ теской я не ладилъ. Не

[1]) Этотъ анекдотъ о встрѣчѣ императора Павла съ младенцемъ Пушкинымъ въ Юсуповомъ саду былъ разсказанъ П. В. Анненковымъ; самъ Пушкинъ шутилъ впослѣдствіи, говоря, что „сношенія его со дворомъ начались при императорѣ Павлѣ". См. Вѣст. Евр., ноябрь 1873 г., стр. 24.

дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ; пожалуй-ста побереги себя, особенно съ начала; не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестеръ, не таскайся по гуляніямъ съ утра до ночи; не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ, онъ можетъ ихъ испугать и мало-ли что еще. Пуще береги себя во время болѣзни—въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, женка. Кокетничать позволяю сколько душѣ угодно. Верьхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ (о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверхъ того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать не совѣстясь и не церемонясь.

Воскресеніе. Христосъ воскресъ, моя милая женка; грустно, мой Ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ изъ головы нейдетъ. Ты мнѣ кажется слишкомъ устала. Пріѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ; нервы твои будутъ напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь въ разтяжку въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что меня тревожитъ, мой Ангелъ. Такъ что голова кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь-ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала! Нынче Великій Князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуюсь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣланъ канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейленъ, между прочими твоя пріятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нѣтъ. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; Государь также. Вообще говорятъ, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней какъ свидѣтелю. Еще новость: Мердеръ умеръ; это еще тайна для В. Князя, и отравитъ его юношескую радость. Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Неудалось мнѣ съ нимъ свидѣться и наговориться. Тетка подарила мнѣ шоколадный бильярдъ—прелесть. Она тебя очень цалуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христосъ воскресъ, Христосъ съ вами.

№ 43.—Прежній московскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 28 апрѣля.

Ну, женка! насилу дождались мы отъ тебя письма. По моему разчету ты должна была пріѣхать въ Москву въ великій чет-

вергъ (такъ и вышло), и цѣлыя девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты пріѣзда и радость свиданія помѣшаютъ тебѣ въ первыя дни думать о письмахъ. Однако ужъ и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты пріѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровитъ. Не отъ кормилицы-ли онъ боленъ? Вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т.-е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. Что дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ пріѣхать не хочетъ, поѣзжай къ ней на недѣлю, на двѣ, хоть это лишнія расходы и лишнія хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помяни Господи Царя Давида и всю кротость его!—Съ отцомъ пожалуй-ста не входи въ близкія сношенія и дѣтей ему не показывай; на его, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди откуситъ у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружитъ всѣ головы и сдѣлался предмѣтомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Разчислено, что полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанялъ у меня 50 р. и съ тѣхъ поръ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энг. къ родителямъ. Честь имѣю тебѣ замѣтить, что твой извощикъ спрашивалъ не рейнвейну, а ренскаго (т. е. всякое бѣлое кисленькое виноградное вино называется ренскимъ); впрочемъ твое замѣчаніе о просвѣщеніи русскаго народа очень справедливо, и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь-ли ты ромашку или eau d'orange? Тетка третьяго-дня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоемъ здоровьи и пококетничила со мною изъ . . . . *) ты. Сегодня отправлюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай, мой Ангелъ; цалую тебя и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ.—Эхъ, хотѣлось бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь. Adio.—*Суббота.*

*) Въ этомъ мѣстѣ вырванъ кусокъ бумаги.

№ 44.—Адрессъ вырѣзанъ.—Писано въ самомъ концѣ апрѣля.

Ѳоминъ понедѣльникъ. — Вчера былъ наконецъ Дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу, и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюменацію приготовляли. Недождавшись сумерковъ, пошелъ я въ Англ. клобъ, гдѣ со мною случилось небывалое произшедствіе. У меня въ клобѣ украли 350 рублей, украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клобъ? перещеголяли мы и Московскій! Ты думаешь, что я сердился, ни чуть. Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой Ангелъ. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты пай дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо: не утерпѣла ты чтобъ не съѣздить на балъ кн. Г[illegible]ой. А я именно объ этомъ и просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sontag, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднямъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать... ну, ужъ Богъ съ тобой. — Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Эго-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей Богу, досада беретъ — и письма не хочу продолжать.

№ 45.—Прежній московскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 1 мая.

Жена моя милая, женка мой Ангелъ — я сегодня ужъ писалъ тебѣ, да письмо мое какъ то неудалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ нѣжностями, а кончилъ плюхой. Виноватъ, женка. Остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощаю тебѣ балъ у Г[illegible]ой, и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженаго, такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ; что было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ

справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клобѣ украли деньги; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ лапахъ у Соболевскаго, и что онъ пакоститъ твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять съ Sophie Karamsine. Она сегодня на свадьбѣ, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба. Воронцовъ женится—на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь изъ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій,—ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого-то выберетъ онъ? Александру-ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо вѣроятно получишь ты уже въ Ярополицѣ; Натальи Ивановнѣ я уже писалъ; поцалуй за меня у ней ручки, и скажи много нѣжнаго.—Прощай, жена, цалую и благословляю тебя и васъ. — *А. П.*

№ 46.—Адрессъ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Волоколамскъ, въ село Ярополицъ.—Штемпель: Спб., 14 мая.

Какая ты дура, мой Ангелъ! конечно я не стану безпокоиться оттого что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалеръ-гардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и неревнивъ. Я отправилъ тебя изъ П. Б. съ большимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ сызнова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія на счетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьи К. очень приятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: С[illegible]а не бываетъ у К., ей не встащить брюхо на такую лѣстницу; кажется, она уже на дачѣ; гр. С. тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у кн. В. — Волочиться, я не за кѣмъ не волочусь; у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни что взялъ имѣніе, но что-жъ дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цалуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь посадилъ Н[illegible] подъ арестъ. Сюда ожидаютъ прусскаго принца, и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать да жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Ярополецъ, гдѣ ты должна быть съ третьягоднягшаяго дня.—Кланяюсь сердечно Нат. Ив. цалую тебя и дѣтей. Христосъ съ вами. Знаешь ты что кн. Мещ. и Sophie Kar(amsine) ѣдутъ за границу? Sophie ужъ плачетъ недѣли двѣ; вѣроятно я довезу ее до Кронштата.

№ 47.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Спб., 18 мая.

Мой Ангелъ! поздравляю тебя съ Машинымъ рожденіемъ, цалую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того же и Сашѣ желаю, хоть онъ не имянинникъ. Ты такъ давно, такъ давно ко мнѣ не писала, что не смотря на то, что безпокоиться по пустому я не люблю, но я безпокоюсь. Я долженъ былъ изъ Яропольца получить по крайней мѣрѣ два письма. Здорова-ли ты и дѣти? спокойна-ли ты? Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золъ—не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь—что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта разпечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать что̀ можетъ произходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны, нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ.

Вчера я былъ въ концертѣ данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ жаль, что ты ее не видала. Пѣли новую музыку Вельгорскаго на слова Жуковскаго. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ ужъ мѣсяцъ живу безъ тебя; дотяну до августа; а ты себя береги, боюсь твоихъ гуляній верьхомъ. Я еще не знаю какъ ты ѣздишь; вѣроятно смѣло; да крѣпко-ли на сѣдлѣ сидишь? вотъ запросъ. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно когда лѣтъ 20, человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя.—Благословляю всѣхъ васъ, дѣтушки.

№ 48.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Спб., 18 мая.

Давно, мой Ангелъ, не получалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ видно было некогда. Теперь вѣроятно ты въ Яропольцѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что того и гляди приѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Спасскимъ о Пирмонтскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала; и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьи и о здоровьи дѣтей, которыхъ цалую и благословляю. Кланяюсь Н. Ив.—Тебя цалую.—

На дняхъ получишь письма по оказіи.—Прощай, мой милый другъ.—16 мая.

№ 49.—Конвертъ утраченъ.—Писано въ концѣ мая.

Что это, жена? вотъ уже 5 дней какъ я не имѣю о тебѣ извѣстія. Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и пріѣзды однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Ярополецъ. Не знаю, куда отправить тебѣ деньги, въ Москву-ли, въ Волоколамскъ-ли, въ Калугу-ли? Надняхъ на что нибудь рѣшусь. Что тебѣ сказать о себѣ: жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобъ не встрѣтиться съ холостою шайкою. Вечеромъ бываю въ клобѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сал. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она безпокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія.—Погода у насъ славная, а у васъ вѣроятно еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лѣкарство, на ванны и на чистый воздухъ.

Сей часъ, мой Ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь ..... Это мнѣ доказываетъ твое благоразуміе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошѣешь, хоть это du superflu. Сей часъ (въ 5 час.) сидѣла у меня тетка, она тебя цалуетъ. — Лѣтній садъ полонъ. Всѣ гуляютъ. Гр. Фикельм. звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда.—За Салог. я не ухаживаю, вотъ те Христосъ; и за С.....ой то же. С.....ва ужасно брюхата, а родитъ черезъ мѣсяцъ.—Всѣ тебѣ кланяются. Завтра еще буду писать. Не смѣй купаться—съ-ума сошла, что-ли. Послѣ завтра обѣдаю у Спасскаго и буду на тебя жаловаться. Я не поѣхалъ къ Фикельмону, а остался дома, перечелъ твое письмо, и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга С. начинаетъ уже сердить. —Откажусь ото всего—и стану жить припѣваючи.

№ 50.—Адрессъ: въ Калугу, на Полотняные Заводы.—Штемпель: Спб., 29 мая.

Благодарю тебя, мой Ангелъ за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальныя прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло. Что́ ты путаешь, говоря: «о себѣ не пишу, потому что не интересно». Лучше бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой забираешь въ голову всякой вздоръ—на-смѣхъ всѣмъ честнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма. Ты спрашиваешь, что́ я дѣлаю.—Ничего путнаго, мой Ангелъ. Однако дома сижу до 4-хъ часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака отвыкъ; въ клобѣ провожу вечера.

Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя библіотека растетъ и тѣснится. Къ намъ въ П.-Б., пріѣхалъ ventriloque, который смѣшилъ меня до слезъ; мнѣ право жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ къ сожалѣнію не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакія успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства.—Вотъ тебѣ и мораль. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ (Великомъ)?—идетъ по маленьку; скопляю матерьялы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго не льзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ. — Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзиныхъ, Жуковскаго, Вельгорскаго, Вяземскаго—всѣ тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ — для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дынями, съ земляникой, клубникой—такъ что боюсь поносомъ встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня ѣду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покамѣсть прощай, мой другъ.—У меня желчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цалую васъ и благословляю.

P. S. Деньги шлю на имя Дм. Н.

№ 51.—Конвертъ утраченъ.—Писано 3 іюня.

Что это мой другъ съ тобою дѣлается? вотъ ужъ девятый день какъ не имѣю отъ тебя извѣстія. Это меня по-неволѣ безпокоитъ. Положимъ: ты выѣзжала изъ Яропольца, все-таки могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала ли ты желѣзныя ванны? есть ли у Маши новые зубы, и каково перенесла она свои первые! У меня

отгадай кто теперь остановился? — Сергѣй Ник., который пріѣхалъ-было въ Ц. с. къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шашки возобновились. Тетка уѣхала съ Н. Кир.—Я еще у ней не былъ. Долгорукая Малиновская выкинула, но кажется здорова. Сегодня обѣдаю у Вяз., у котораго сынъ имянинникъ; Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мещерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи, и раскаиваясь въ томъ, что оставляетъ Кат. Андр. одну? Я провожалъ ихъ до пироскафа. Въ прошлое воскресеніе представлялся я къ Вел. Княгинѣ. Я поѣхалъ къ Ея Выс. на Кам. Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою нещастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел. Кн. сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paroit. — Oui, Votre A. I., отвѣчалъ онъ ей, d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила. С...ва на сносяхъ. Брюхо ея ужасно; не знаю какъ она разрѣшиться, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго году. Гр. Сал. встрѣтилъ я недавно. Она велѣла тебя поцаловать, и тетка ея также. Я большею частію дома и въ клобѣ. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что разстроилъ себѣ желудокъ, и что желчь меня такъ и волнуетъ. Да отъ желчи здѣсь не убережешься. Новостей нѣтъ, да хоть бы и были, такъ не сказалъ бы.—Цалую всѣхъ васъ, Христосъ съ вами. Отецъ и мать на дняхъ ѣдутъ въ деревню, а я хлопочу. Левъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское село, а Соболевскій въ Ораніенбаумъ. Видно имъ обоимъ дѣлать нечего. Прощай, мой Ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу скрѣпя сердце.—3 іюня.

№ 52. Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 8 іюня.

8 іюня.—Милый мой Ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя, и не смѣть даже писать тебѣ все что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я

долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя нещастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ невиновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за вѣсы, роскошную вывѣску моей скупости. Мнѣ прислала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно она теперь въ хлопотахъ и приготовляетъ Нат. Кир. къ вѣстѣ о смерти кн. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣренія и умеръ въ Москвѣ. Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. Теребятъ меня безъ милосердія. Вѣроятно послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Машкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ-ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вельгорскій ѣдетъ въ Италію къ больной женѣ; П. Б. пустъ, всѣ на дачахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клобѣ. Вотъ и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ клобѣ играть, но принужденъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня—а желчь не унимается. Цалую васъ и благословляю. Прощай. Жду отъ тебя письма объ Ярополицѣ. Но будь осторожна... вѣроятно и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность.

№ 53. Конвертъ утраченъ.—Писано 11 іюня.

Нашла за что браниться!.. за Лѣтній садъ и за Соболевскаго. Да вѣдь Лѣтній садъ мой огородъ. Я вставши отъ сна иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція удрать къ тебѣ въ деревню. Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что-же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ и вѣрно ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще

не былъ. Ѣду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne croyois pas, сказала она, que la mort de K. me fit tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ—онъ, а не Маша. Сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго-Села, куда Левъ Серг. ходитъ пѣшечкомъ. Ужъ какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой Ангелъ. А дѣлать нечего. Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ-же даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ-же на руки, тогда то напла́чусь и наплачу́сь, а имъ и горя мало. Меня-же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты слади эту свадьбу, а я приѣду въ отцы посаженыя. Напиши мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Яроп., какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ Прусскаго принца. Вчера приѣхалъ О...овъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я смотря на нее, думалъ о тебѣ, и желалъ тебѣ воротиться изъ Завода такою-же тетехой. Полно тебѣ быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма, и помирился отъ души съ почтою и полиціей. Чортъ съ ними. Что дѣлаютъ дѣти? благословляю ихъ, а тебя цалую.—11 іюня.

Къ № 53.—Писано въ одинъ день съ предыдущимъ.

Въ тотъ же день.—Сей часъ отъ меня тетка. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское-Село, въ домъ кн. Кочубея, съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она проситъ, чтобъ я тебя въ Калугу пустилъ, да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія. Ты на это молодецъ. Сей часъ простился съ отцемъ и матерью. У него хандра и черныя мысли. Знаешь что я думаю? не приѣхать-ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, жена, дѣла есть, потерпимъ еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду какъ снѣгъ на голову; если только пустятъ меня. Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во первыхъ вѣроятно откажутъ; а во вторыхъ коли и возьмутъ, то подумай что за скверныя толки пойдутъ по свинскому П. Б. — Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. По-

годи; овдовѣешь, постарѣешь — тогда пожалуй будь солопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ быть подалѣ отъ двора; ..... Вы-же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ П. Б. не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ. — Но вы, бабы, не понимаете щастія независимости, и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était decidement la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадяхъ, за дѣтьми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще; сестеръ поцалуй за просто, Дм. Ник. также — дѣтей за меня благослови. Цалую тебя. Ѣду на пироскафѣ провожать Вельгорскаго, который вѣроятно жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I-ой идетъ; того и гляди напечатаю 1-ой томъ къ зимѣ. На *того* я пересталъ сердиться, потому что, toute reflexion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ его окружающемъ. А живя въ ..... по неволѣ привыкнешь къ ....., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ.

№ 54.—Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб., 19 іюня.

Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги и чужія мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить уменьшая разходы, а они обрадовались, и на меня насѣли. То—то, то другое. Вотъ тебѣ письмо Спасскаго. Если ты здорова, на что тебѣ ванны. Тетку видѣлъ надняхъ. Она ѣдетъ въ Царск. Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ. — *П.*

Цалую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

№ 55.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 21 іюня.

«Ваше благородіе, всегда понапрасну лаиться изволите» (*Недоросль*).

Помилуй, за что въ самъ дѣлѣ ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякой день; пиши сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ которой письма приходятъ каждыя десять дней. Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что разцаловалъ бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся В. Кн., дежурная была не С., а моя прицепленая кузинка Ч.....на, до которой я не охот-

никъ, да хоть бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбляться...—Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, что я отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во лжи какъ въ petite misere ouverte, доказывая, что я видѣлъ и того и другаго, слѣдственно въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ Англійскому клобу; а этимъ нечего хвастаться. С...ва родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Какова бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ С....овъ? — Сегодня кажется девятый день — и слышно мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюст., а Алекс. Ник. за Убри: ничему не бывать; оба влюбяться въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи, моя красавица. Х.....нъ тебѣ вретъ, а ты ему и вѣришь; откуда берегъ онъ, что я къ тебѣ въ августѣ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ батвиньи съ лукомъ? Меня въ П. Б. останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго, я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой Ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда бы отъ жизни удралъ; улизнулъ. Цалую тебя и дѣтей и благословляю васъ отъ души.—Ты я думаю такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже. — Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ-ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. Надняхъ ѣду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

№ 56.—Безъ конверта — Писано въ концѣ іюня.

Мой Ангелъ, сей часъ послалъ я къ графу Литта извиненіе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по причинѣ болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь; онъ того стоитъ. Не знаю даже, удастся-ли тебѣ когда нибудь его видѣть. Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбище, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться мнѣ богатымъ—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. П. Б. ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ живетъ на Петергофской дорогѣ.

На Черной рѣчкѣ только Бобринская, да Фикельмонъ. Принимаютъ — а никто не ѣдетъ. Будутъ большія праздники послѣ Петергофа. Но я ужъ никуда не поѣду. Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно-ли будетъ его заложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужъ крови, что всѣ піявки дома нашего ее мнѣ не высосутъ. — Кстати о домѣ нашемъ: надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ побранился, и вотъ почему. Надняхъ возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. На силу добудился дворника. А я ему уже нѣсколько разъ говорилъ: прежде моего пріѣзда не запирать — разсердясь на него далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери запирать съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибить къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича о сдачѣ квартеры—а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Война же съ дворникомъ не прекращается, и вчера еще я съ нимъ повозился. Мнѣ его жаль, но дѣлать нечего; я упрямъ, и хочу переспорить весь домъ—включая тутъ и піявокъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ, въ отношеніи денежномъ. Были деньги — и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все *тотъ* виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня восвояси. Письмо твое не передъ мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить — но до другаго дня. — Пока прощай. — Цалую тебя и дѣтей благословляю всѣхъ троихъ. Прощай, душа моя — кланяйся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Ник. надняхъ въ офицеры произведенъ, и хлопочетъ о мундирѣ.—*А. П.*

№ 57.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 2 іюля.

Твоя Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу Ш. въ академію, и то не для свадьбы, а для жетоновъ, pour (pas?) autrement. Исторія же о княжнахъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшнаго. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя въ жизни моей утѣшенія нѣтъ—и жить съ тобою въ разлукѣ также глупо какъ и тяжело. Но что-жъ дѣлать? Послѣ завтрашнаго начну печатать Пуг(ачева), который до сихъ поръ лежитъ у

Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ.—Въ августѣ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно побранился, и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно если приѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодецъ.—Исторія о томъ, какъ Ив. Ник. побранился съ Юрьевымъ и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ разсказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то что ты обѣщаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволилъ, но все таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться. — Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала отходя ко сну, то это еще не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вину, и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не то я приѣду и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ—тебя цалую въ особенности.—30 іюня.

Пожалуй-ста не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль что мои разпечатываются, и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе — охлаждаетъ меня, и я по неволѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ.

№ 58.—Безъ конверта.—Писано 11 іюля.

Ты женка моя презалаберная (вычеркнуто) пребезалаберная (насилу слово написалъ). То сердишься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то что я къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ, и увидишь что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе невижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствамъ тебѣ извѣстнымъ, не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо и печатаю П(угачева), и закладываю имѣнія, и вожусь и хлопочу—и письмо твое меня огорчило, а между тѣмъ и порадовало; если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что цалую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ; какъ читаю корректуру—какъ тороплю Яковлева! Только бы въ Августѣ быть у тебя. Теперь разкажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельмонъ. Надо тебя знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ какъ въ клобѣ нигдѣ не бываю. Вотъ вчерась

какъ я вошелъ въ освѣщенную залу, съ нарядными дамами; то я смутился какъ нѣмецкій профессоръ; насилу хозяйку нашелъ, насилу слово вымолвилъ. Потомъ осмотрѣвшись увидѣлъ я, что народу не такъ то много, и что балъ это за-просто, а не раутъ. Незнакомыхъ дамъ нѣсколько прусачекъ (наши лучше, не говоря ужъ о тебѣ), а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянныя. Вотъ наѣлся я мороженаго, и пріѣхалъ себѣ домой — въ часъ. Кажется, не за что меня бранить. О тебѣ въ свѣтѣ много спрашиваютъ, и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхала плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: ай да баба!—а у меня сердце радуется. Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала. Надняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ *тѣмъ* чуть было не побранился—и трухнулъ то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть и онъ не правъ. Сегодня былъ на дачѣ у Плетнева; у него дочь имянинница. Только вмѣсто его, нашелъ я кривую кузину—и ничего. А онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ —В. Княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай женка—спать хочу. Цалую тебя и васъ—и всѣхъ благословляю —Христосъ съ вами.—11 іюля.

№ 59.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 14 іюля.

Ты хочешь непремѣнно знать, скоро ли буду я у твоихъ ногъ? изволь, моя красавица: я закладываю имѣніе отца, это кончено будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяцъ. Женка, женка, потерпи до половины Августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ и явлюсь и обниму тебя, и дѣтей разцалую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ бы Богу свѣчку поставилъ; радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Дай, сдѣлаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости.—А (о) какомъ сосѣдѣ пишешь мнѣ лукавыя письма? кѣмъ это меня ты стращаешь? отселѣ вижу что̀ такое. Человѣкъ лѣтъ 36; отставной военный, или служащій по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ, и ѣдетъ ихъ перезакладывать—по случаю неурожая—а наканунѣ отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ ли? А ты бабенка, за неимѣніемъ того и другаго, избираешь въ обожатели и его: дѣльно. Да какъ балы тебѣ не пріѣлись, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ. Удивительно!—Надобно тебѣ поговорить

о моемъ горѣ. Надняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю что̀ ты будешь дѣлать, и что́ скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова.—Поцалуй дѣтей и благослови ихъ за меня.—Прощай, цалую тебя.—*А. П.*

№ 60.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 16 іюля.

Всѣ вы дамы на одинъ покрой. Куда какъ интересны похожденія дурачка Д. и его семейственныя ссоры. А ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и разкокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ поцарствуешь! — Впрочемъ, женка, я тебя за то не браню. Все это въ порядкѣ вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. — Цалую тебя отъ сердца—теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обѣихъ-ли ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть *одна* подъ *одной* кровлей: мужъ, жена, дѣти покамѣсть малы; родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ, объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ Августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождались. Надѣюсь, что ты передо мною чиста и права, и что мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ кажется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться—радуюсь, онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора и кровь кинулась въ голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней еще не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Н. ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ останусь. У насъ третій день какъ жары—и мы не знаемъ что дѣлать. Сплю и вижу, чтобы изъ П. Б. убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну — и займусь своими дѣлами. Левъ С. очень себя дурно

ведетъ. Не копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что слава Богу мужику 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что ужъ они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты. Тетка въ Царск. Селѣ. Я все къ ней сбираюсь, да не соберусь.—Прощай. Обнимаю тебя — дѣтей благословляю — тебя также. Всякій ли ты день молишься стоя въ углу?—14 іюля.

№ 61.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 26 іюля.

Наташа мой Ангелъ, знаешь ли что? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня ѣдетъ въ чужія края, дочь ея больна не на шутку; боятся чахотки. Дай Богъ, чтобъ югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальяни, est un animal naturellement faible & malade. Какія-же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ, и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа проситъ, да мошна не велитъ. Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни—Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу—и сломя голову къ тебѣ прискачу. Сей часъ приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ *поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ*. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ *). Слышишь-ли моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись съ добычею.—Въ свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня впишетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (Animal naturellement faible & malade). Цалую Машу и заочно смѣюсь ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нее покамѣсть ума не требую; а требую здоровья. Довольна-ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То-есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ и подпишу: *печатать*,—такъ и пущусь къ тебѣ, а покамѣсть буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на манев-

*) Деревня Полотняные Заводы, гдѣ жила жена Пушкина.

рахъ. Знай нашихъ. Цалую тебя и ихъ. Господь васъ благослови.

№ 62.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 30 іюля.

Что это значитъ, жена? Вотъ ужъ болѣе недѣли какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что ты? Въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что такъ могло тебя занять и развлечь? какія балы? какія побѣды? ужъ не больна-ли ты? Христосъ съ тобою. Или просто хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ пріѣхать. Пожалуйста, женка—брось эти военныя хитрости, которыя не въ шутку мучатъ меня за тысяча верстъ отъ тебя. Я приѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы, не заставь меня все бросить, и потомъ охать цѣлый годъ, если не два, и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро—до 4 часовъ—никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильардѣ въ клубѣ—возвращаюсь домой рано, надѣясь найти отъ тебя письмо — и всякой день обманываюсь. Тоска, тоска—

Съ кн. Вяземскимъ я уже условился. Беру его квартеру. Къ 10 августу припасу ему 2,500 рублей—и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать не долго.

Прощай—будьте всѣ здоровы. Цалую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

№ 63.—Безъ конверта.—Писано 3 августа.

Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая кто виноватъ, я или почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться въ скверный уѣздный городишка, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернію губернскій фейворокъ — когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ и никакимъ фейворокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по Калугамъ не разъѣзжать, да видно ужъ у тебя такая натура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить мнѣ нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ — но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то что ты Богу молишься на колѣнахъ по-

среди комнаты. Я мало Богу молюсь и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня такъ и для насъ. Ты ждешь меня въ началѣ августа. Вотъ нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ. Надо будетъ мнѣ переѣхать, перетащить мебель и книги, и тогда уже благословясь, пуститься въ дорогу. Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ имянинамъ, я и тѣмъ былъ бы щастливъ.

Вяземскія здѣсь. Бѣдная Полина очень слаба и блѣдна. Отца жалко смотрѣть. Такъ онъ убитъ. Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ чтобъ климатъ ей помогъ. Marie похорошѣла, и въ бѣдной и загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремитъ еще молва, послѣ минутнаго твоего появленія. Нашли, что ты похудѣла. Я привезу тебя тетехой, по твоему обѣщанію: смотри-жъ! не поставь меня въ лгуны. На дняхъ встрѣтилъ я M-me Жоржъ. Она остановилась со мною на улицѣ, и спрашивала о твоемъ здоровье; я сказалъ, что на дняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала присѣдать, повторяя: Ахъ, Monsi, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того что ты выкинула. Надѣюсь однако, что ты отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаетъ оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердиться на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, за чѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolés. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. Serge въ лагери. Брата Ивана не вижу. Прощай, Христосъ съ вами. Цалую васъ, тебя въ особенности. Принесли корректуру.—3 авг.

V.—Изъ Болдина въ Петербургъ.

Съѣздивъ въ деревню, Пушкинъ взялъ оттуда семью, довезъ ее до Москвы, откуда его жена съ дѣтьми возвратилась въ Петербургъ, а самъ онъ отправился въ свое Болдино для ознакомленія съ положеніемъ имѣнія на мѣстѣ.

№ 64.—Конвертъ потерянъ.—Писано 15 сентября.

15 сент.—Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота, и такъ это письмо нескоро до тебя доберется. Я при-

ѣхалъ третьяго дня въ четвергъ поутру—вотъ какъ тихо ѣздятъ по губернскимъ трактамъ—а я еще платилъ почти вездѣ двойныя прогоны. Правда что отовсюду лошади были взяты подъ Государя, который долженъ изъ Москвы проѣхать на Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ; c'est une très aimable attention, однако я еще писать не принимался, и въ первой разъ беру перо, чтобъ съ тобою побѣсѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, менѣе будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что нибудь мнѣ бы очень хотѣлось, не знаю придетъ-ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что-же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и вѣроятно купитъ полъ-Болдина. Охъ! кабы у меня было 100,000! какъ бы я все это уладилъ; да Пуг(ачевъ), мой оброчный мужичокъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ-ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги... Вотъ ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ—прощай.

Ухъ, на силу отвязался. Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили—дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ, на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я перехитрилъ. Вижу отселѣ твою недовѣрчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетутъ—увидимъ. Пріѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и пріѣду въ П.Б. молодцомъ, и обладателемъ села Болдина — —

Сей часъ у меня были мужики, съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить—но эти навѣрное меня перехитрятъ. Хоть я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ какъ читаю Conquêtes de l'Angleterre par les Normands. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать.

— Ну женка, умора. Солдатка проситъ, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ в..... (незаконные), а она де родила его только 13 мѣсяцовъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой-же онъ в.....? (~~незаконный~~) я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь вѣроятно ты въ Яропольцѣ, и вѣроятно ужъ думаешь объ отъѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: *въ Арзамаскомъ* уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино.—Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно, а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цалую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

№ 65.—Адрессъ: въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.—Штемпель: станція Абрамово, 26 сентября.

Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой Ангелъ. И стихи въ голову нейдутъ; и романъ не переписываю. Читаю Бальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю. Здоровъ-ли Сашка? прогнала-ли ты кормилицу? отдѣла(ла)сь-ли отъ проклятой нѣмки? Какова доѣхала? Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не разпишусь-ли; коли нѣтъ—такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дня три, у Нат. Ив. (въ Яропольцѣ) сутки—и приѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: неужъ-то близъ тебя, не разпишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да видно не дождусь.—Скажи пожалуйста, брюхата-ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула, и что тебѣ надобно себя беречь. — Охъ кабы ты ужъ была въ Петербургѣ. Но по всѣмъ моимъ разчетамъ ты прежде 3-го октября не доѣдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амельяна, съ твоими дурами няньками, и неряхами дѣвушками (не во гнѣвъ буде сказано Пелагѣи Ивановнѣ, которую заочно цалую). У тебя чай голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь—видно, что мнѣ надобно спѣшить.—Прощай, Христосъ васъ храни. Цалую тебя крѣпко — будьте здоровы.

1835-й годъ.

Возвратившись въ октябрѣ 1834 года въ Петербургъ изъ Болдина, гдѣ, какъ говорилъ Пушкинъ: „Управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно“; — онъ прожилъ всю зиму и весну 1835-го года въ столицѣ. Въ декабрѣ вышла „Исторія Пугачевскаго бунта“; на это изданіе Пушкинъ возлагалъ большія надежды, но денежный успѣхъ былъ ниже его потребностей и долговъ; немного помогло въ этомъ отношеніи и сдѣланное имъ весною 1835 г. изданіе „Поэмъ и повѣстей“. Въ августѣ Пушкину была выдана изъ казны ссуда въ 30,000, съ постепеннымъ вычетомъ ея изъ его жалованья въ 5 тысячъ рублей, и вмѣстѣ отпускъ въ деревню, съ августа по декабрь, для устройства своихъ дѣлъ и для новыхъ работъ. Эта осенняя поѣздка Пушкина въ Михайловское, псковской губерніи, вызвала новый рядъ писемъ его къ женѣ.

VI. Изъ Михайловскаго въ Петербургъ.

№ 66.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Новоржевъ, 16 сентября.

Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вотъ онъ: въ Пск. Губ. въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужъ недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ; а толку въ томъ не вижу. Писать не начиналъ и не знаю когда начну. За то безпрестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Что у насъ за погода! Вотъ ужъ три дня какъ я только что гуляю то пѣшкомъ, то верьхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ не сдѣлавъ ничего. Пр. Ал. [1]) еще здѣсь нѣтъ. Она или въ деревнѣ у Бегичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ безпокоиться. Что наша экспедиція? видѣлась ли ты съ графиней К., и что отвѣтъ? На всякой случай если насъ гонитъ графъ К., то у насъ остается графъ Юрьевъ (Гурьевъ?) я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все что ты дѣлаешь, чтобъ я зналъ съ кѣмъ ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо-ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и щастливо-ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа: цалую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя. Сашку цалую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. Теткамъ Ази и Ко́ко мой сердечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

№ 67.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Новоржевъ, 23 сентября.

Жена моя, вотъ и 21-ое, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что ты мой адресъ, вѣроятно, узнала, не прежде какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ ли? къ тому же и почта изъ П. Б. идетъ только разъ въ недѣлю. Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ. Ты не можешь вообразить какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже споловину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики,

[1]) Прасковья Алексѣевна Осипова.

ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго разхода 30,000. Все держится на мнѣ, да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣсть, грустно. — Поцалуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои на 400 верстъ не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь! Теперь выслушай мой журналъ: былъ я у Вревскихъ третьяго дня и тамъ ночевалъ. Ждали Пр. Алекс., но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста какъ Меѳодій, нашъ псковскій архіерей. И незамѣтно, что она ужъ не брюхата; все та-же какъ когда ты ее видѣла. Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю что не взялъ съ собою англійскаго. Къ стати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montagne — 4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр. Ал., которая вѣроятно будетъ сегодня въ Тригорское. — Я много хожу, много ѣзжу верьхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому они не привыкли. Ѣмъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яица въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9 часовъ, встаю въ 7. Теперь требую отъ тебя такого же подробнаго отчета. Цалую тебя, душа моя, и всѣхъ ребятъ, благословляю васъ отъ сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сёры, иль бель-сёри? Прощай.

№ 68.—Конвертъ утраченъ.—Писано 25 сентября.

Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Что это, женка? вотъ ужъ 25-ое, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки. — Это меня сердитъ и безпокоитъ.—Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: *Во Псковъ*, Ея Высокородію, Пр. Ал. Осиповой для доставленія А. С. П. извѣстному сочинителю—вотъ и все. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова-ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь? Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая, сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю, иногда даже чистымъ, русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не

сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной няней моей: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю. Что ты дѣлаешь, моя красавица, въ моемъ отсутствіи? разкажи что тебя занимаетъ, куда ты ѣздишь, какія есть новыя сплетни, etc.—Карамзина и Мещерскія, слышалъ я, пріѣхали. Не забудь сказать имъ сердечный поклонъ. Въ Тригорскомъ стало просторнѣе, Евпраксья Ник. и Ал. Ив. замужемъ, но Пр. Ал. все таже, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пѣшкомъ и верьхомъ, читаю романы В. Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ.—Прощай, цалую тебя крѣпко, благословляю тебя и ребятъ.—Что Коко и Азя? замужемъ или еще нѣтъ? Скажи, чтобъ безъ моего благословенія не шли. Прощай, мой Ангелъ.

№ 69.—Тотъ же адресъ; безъ штемпеля.—Писано 29 сентября.

Душа моя, вчера получилъ я отъ тебя два письма; они очень меня огорчили. Чѣмъ больна Кат. Ив.? ты пишешь: *ужасно больна*. Слѣдственно есть опасность? съ нетерпѣніемъ ожидаю твой *bulletin*. Все это произходитъ отъ нечеловѣческаго образа ея жизни. Вѣрить-ли, чтобъ гр. Полье вышла наконецъ за своего принца? Канкринъ шутитъ—а мнѣ не до шутокъ. Г. обѣщалъ мнѣ *Газету*, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ П. Б., а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошки деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія какъ безъ разчета; твои теряютъ свое, отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник.—Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ. Пожаръ твой произошелъ вѣроятно отъ оплошности твоихъ фрейленъ, которымъ безъ меня житье! слава Богу что дѣло ограничилось занавѣсками. Ты мнѣ прислала записку отъ m-me К...; дура вздумала переводить Занда, и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ! Я поручилъ Ан. Ник. отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ также вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю. Что Плетневъ? думаетъ-ли онъ о нашемъ общемъ дѣлѣ? вѣроятно, нѣтъ. Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ изъ пустова въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не

чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мною покушать. Что Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю—въ Англ. Клобъ не ѣзжу и Хитрову не вижу. Не знаю что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Когда будутъ цари? и не слышно-ли чего про войну и т. под.? Благословляю васъ — будьте здоровы. Цалую тебя. Какъ твой адресъ глупъ—такъ это объяденіе! Въ Псковскую губернію въ село Михайловское. Ахъ ты, моя голубушка! а въ какой уѣздъ и не сказано. Да и Михайловскихъ селъ, чаю не одно; а хоть и одно, такъ ктожъ его знаетъ. Экая вѣтреница! ты видишь, что я все ворчу, да что дѣлать? не чему радоваться. Пиши мнѣ про тетку—и про мать. Je remercie vs soeurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за что.

№ 70.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: 4 октября.

2 окт.—Милая моя женка, есть у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжѣ и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее что на дорогѣ, какъ она закуситъ поводья, да и несетъ верстъ десять по кочкамъ да оврагамъ—и тутъ ужъ ничѣмъ ея не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, Ангелъ кротости и красоты! письмо твое, гдѣ изволишь ты, закусивъ поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь ты устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ—а не брань мною вовсе не заслуженую, ибо я веду себя, какъ красная дѣвица. Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится, кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось разпишусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что К. И-нѣ лучше; ты бы такъ бодро не бранилась, еслибъ она была не на шутку больна. Все таки напиши мнѣ обо всемъ, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко, и думаю: не худо бы, если вдругъ въѣхала на дворъ карета—а въ каретѣ сидѣла бы Нат. Ник.! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ П. Б., а я постараюсь ужъ поторопиться, и пріѣхать къ тебѣ прежде сроку. Что Плетневъ? что Карамзины, Мещерскія? etc—пиши мнѣ обо всемъ. Цалую тебя и благословляю ребятъ.—

1836-й годъ.

Зиму съ 1835 года на 1836 г. Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ, приготовляясь къ изданію своего новаго журнала „Современникъ". Въ то же время онъ получилъ командировку въ Москву для занятій въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, и въ концѣ апрѣля уѣхалъ изъ Петербурга. Около этого времени вышла первая книжка новаго журнала Пушкина „Современникъ".

VI. Изъ Москвы въ Петербургъ.

№ 71.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 5 мая.

4 мая, Москва, у Нащокина—противу Стараго Пимена, домъ г-жи Ивановой.—Вотъ тебѣ, Царица моя, подробное донесеніе: путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maitresse. Жена его очень мила. Онъ щастливъ и потолстѣлъ. Мы разумѣется другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ, и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Не ужъ-то не будетъ у меня твоего портрета имъ писаннаго? невозможно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуй-ста не прогони его, какъ прогнала ты прусака Криднера (Кригера?). Мнѣ очень хочется привести Брюлова въ П. Б. А онъ настоящій художникъ, добрый малой, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его было заполонилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства—недостаетъ только живыхъ человѣчиковъ. Какъ бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акулова, долгоносая пѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выдти за мужъ. Надежда не сбылась. Она впала въ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убѣжала къ Троицѣ. Ее насилу поймали, и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣятся, что у ней бѣлая горячка, но врядъ-ли. Видѣлъ я свата нашего Толстаго [1]); дочь у него такъ же почти сума-

[1]) Грибоѣдовъ о немъ сказалъ: „вернулся алеутомъ". Дочь его—Сара Толстая.

сшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лѣчится омеопатически. Чедаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.—Вотъ является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цалую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже о свадьбѣ Marie W.—Я секретничаю покамѣсть. Прости—мой другъ, —цалую тебя еще разъ.

№ 72.—Конвертъ потерянъ.—Писано 6 мая.

Вотъ ужъ три дня какъ я въ Москвѣ и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцевымъ на поклоненіе не бывалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь — глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстова, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія бы тебѣ московскія сплетни передать? что то ихъ много, да не вспомню. Что Москва говоритъ о П. Б., такъ это умора. На примѣръ: есть у васъ нѣкто *Савельевъ*, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ, влюбленъ онъ въ Idalie Политику и далъ за нее пощечину Гри[illegible]ду. Савельевъ надняхъ будетъ разстрѣленъ. Вообрази какъ жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идутъ кой какія толки, которыя не въ полнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣднія въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ, однакожъ видно, что ты кого-то довела до такова отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Не хорошо, мой Ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе вашего пола. Чтобъ чѣмъ нибудь полакомить Москву, которая ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я разказываю, что Алекс. Карамзинъ (сынъ исторіографа) хотѣлъ застрѣлиться изъ любви pour une belle brune, но что по щастью пуля вышибла только передній зубъ. Однако полно врать.—Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и *грязна* (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны я то-же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя

болѣе любятъ, нежели въ П. Б.—При семъ *пакетъ* къ Плетневу, для *Современника*; коли цензоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бога, напечатать во 2 №.—Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ, что твое б[illegible], и что твои деньги? Я не разкаиваюсь въ моемъ пріѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургѣ. На дачѣ-ли ты? Какъ ты съ хозяиномъ управилась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную спекуляцію—а вѣдь это все равно что золотарьство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу, есть чистить [illegible] и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди что.... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается. Цалую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь.

№ 73.—Конвертъ потерянъ.—Писано 11 мая.

Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный мове-тонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нѣжели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ какъ вздумаетъ—порядокъ ничего не значитъ. Что записки Дуровой? пропущены-ли цензурою? они мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьи *Гольцовской*. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцева разсмотрѣть. Впрочемъ это не важно.—Вчера былъ у меня Ив. Ник. Онъ увѣряетъ, что дѣла его идутъ хорошо. Впрочемъ Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пребезпутная. Дома не сижу—въ Архивѣ не роюсь. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. Надняхъ обѣдалъ я у Орлова, у котораго собрались Московскія Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный человѣкъ и очень добрый малый, но до него я какъ-то неохотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій (Ал.) который прошлаго разу казался мнѣ не много приглупѣвшимъ, кажется опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица — говорятъ, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ, прибавилось и то что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую прелесть. Недавно сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отъ роду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего *Путешествія въ Сицилію*. Не побранить-ли мнѣ его en bon parent? Вчера ужиналъ у кн. Ѳед. Гагарина,

и возвратился въ 4 часа утра—въ такомъ добромъ разположеніи какъ бы съ бала. Нащокинъ здѣсь одна моя отрада. Но онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клобъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чедаева видѣлъ всего разъ. — Письмо мое похоже на Тургеньевское — и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ. Ѣду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ, и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ я у Солнцовой—его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ въ деревню на лѣто. Кузинки пищатъ, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ (которое стóитъ Послѣдн(яго) дня Помпеи) приговаривая:—Замѣть какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ такой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу, [illegible] .—Умора. Ну прощай. Цалую тебя и ребятъ, будьте здоровы—Христосъ съ вами.—11 мая.

№ 74.—Конвертъ потерянъ.—Писано 16 мая.

Что это, женка? такъ хорошо было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила-ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ-ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда—а я уже собираюсь къ тебѣ. Въ Архивахъ я былъ, и принужденъ буду опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на 6, что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужъ возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Сижу дома—вижу только мужескъ полъ. Пѣшкомъ не хожу, не прыгаю—и толстѣю.

Надняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю — а у него жена выкинула. Это намъ не помѣшало отобѣдать очень скучно и очень дурно. Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умѣю; но Наблюдатели меня не жалуютъ. Любитъ меня одинъ Нащокинъ. Но тинтере мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати, и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ-ли и со мною? право боюсь. Баратынскій однакожъ очень милъ.

Но мы какъ-то холодны другъ ко другу.—Зазываю Брюлова

къ себѣ въ П. Б.—Но онъ боленъ и хандритъ. Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности; я говорю:—У меня дома есть красавица, которую когда нибудь мы вылѣпимъ. Видѣлъ я невѣсту Хомякова. Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Она, какъ говорилъ покойный Гнѣдичь, pas un(e) belle femme, но une jolie figurlette. Прощай, на минуту: ко мнѣ входятъ два буфона. Одинъ маіоръ-мистикъ; другой пьяница-поэтъ; оставляю тебя для нихъ.—14 мая.

На силу отдѣлался отъ буфоновъ — въ томъ числѣ отъ Но-р.в.а. Всѣ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выѣздѣ. Ты ужъ вѣроятно въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Какого-то перевезла и перетащила тѣхъ и другихъ? и какъ перетащила ты свое б...о? Благословляю тебя, мой Ангелъ. Богъ съ тобою и съ дѣтьми. Будьте здоровы.—Кланяюсь твоимъ наѣздницамъ.—Цѣлую ручки у К. Ив.—Прощай.—*А. П.*

Я получилъ отъ тебя твое премилое письмо — отвѣчать некогда—благодарю и цалую тебя мой Ангелъ.—16 мая.

Къ № 74.—На особомъ листкѣ, писано карандашемъ.

Сей часъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня разнѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р.—Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ, теперь покамѣсть, прощай.—У меня сидитъ Ив. Н.

№ 75.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 18 мая; Спб., 21 мая.

Жена мой Ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все таки я съ тобою побранюсь: зачѣмъ тебѣ было писать:—Это мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выдетъ. А ты безъ меня не родишь. Можешь-ли ты изъ полученныхъ денегъ дать Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся—вотъ и все. Новое твое разпоряженіе, касательно твоихъ доходовъ, касается тебя, дѣлай какъ хочешь; хоть кажется лучше имѣть дѣло съ Дм. Ник., чѣмъ съ Нат. Ив. Это я говорю только dans l'interet de m-r Durier et de m-me Sichler, а мнѣ все равно. Твои петербургскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева. — У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэля, и подвергается одному наказанію—а не смертной казни. Утопленіе Сталыпина—ужасъ! не ужъ то невозможно было помочь! У насъ въ Москвѣ, все слава Богу смирно: бой Кирѣева съ Яромъ произвелъ великое негодованіе въ чепорной здѣшней публикѣ.

Нащокинъ заступается за Кирѣева очень просто и очень умно: что за бѣда что гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, который сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы били нѣмцовъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а нѣмцы получали тычки сложа руки? По мнѣ драка Кирѣева гораздо простительнѣе, нѣжели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смѣкая, что если выдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ. Брюловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ П. Б. скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: *Vous avez trompé*, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело, нечего сказать.—Прощай, будьте здоровы. Цалую тебя.—18 (мая, 1836 г.).

Это была послѣдняя поѣздка Пушкина; возвратившись изъ Москвы въ Петербургъ, онъ поселился на дачѣ, на Каменноостровскомъ, и занялся второю книжкою журнала, вышедшей лѣтомъ. Въ сентябрѣ явилась третья книжка. Въ октябрѣ Пушкинъ переѣхалъ съ семьею въ городъ, и поселился на послѣдней въ его жизни квартирѣ, у Пѣвческаго моста, въ домѣ кн. Волконской. Въ это время началась съ анонимныхъ писемъ та печальная исторія, которая закончилась дуэлью 27 января 1837 г. и послѣдовавшею за тѣмъ смертью Пушкина—29 января.

сильнымъ ключомъ бьетъ въ немъ жизнь. Прочтите это сочиненіе съ этой точки зрѣнія—и вы удивитесь, какую универсальность сообщила роману наша эпоха. Въ настоящее время романъ сталъ орудіемъ вѣка, великимъ изслѣдованіемъ, производимымъ надъ человѣкомъ и природой.

Эмиль Зола.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

По поводу писемъ А. С. Пушкина къ женѣ.

М. Г. Въ первой книжкѣ (январь) „Вѣстника Европы“ помѣщено начало переписки А. С. Пушкина съ женою. Въ этихъ письмахъ упоминается имя нѣкоего *Отрыжкова* [1]). Вотъ по поводу этого лица я и желалъ бы сказать нѣсколько словъ. Подъ именемъ Отрыжкова слѣдуетъ разумѣть Отрѣшкова, который впослѣдствіи, къ своему первоначальному прозвищу, присоединилъ—Тарасенко, и засимъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Тарасенки-Отрѣшкова.*

Наркизъ Ивановичъ Отрѣшковъ не безслѣдно прошелся по устройству дѣлъ умершаго А. С. Пушкина. Онъ окончилъ курсъ наукъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ, при московскомъ университетѣ, и состоялъ со многими изъ своихъ сотоварищей, кои всѣ болѣе или менѣе были извѣстны, въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Впослѣдствіи, Отрѣшковъ сосредоточилъ свою дѣятельность въ Петербургѣ и сдѣлался извѣстнымъ какъ прожектёръ многихъ неудавшихся предпріятій и дѣлъ. А на службѣ онъ состоялъ при графѣ П. Д. Киселевѣ, при самомъ началѣ образованія министерства государственныхъ имуществъ, и былъ, кажется, начальникомъ отдѣленія. Позже онъ считался на службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ и носилъ званіе камеръ-юнкера. Въ предпослѣдніе годы жизни Пушкина, Отрѣшковъ состоялъ въ добрыхъ отношеніяхъ къ извѣстному въ свое время графу Григорію Александровичу Строганову. По смерти Пушкина, графъ Григорій Александровичъ принялъ на себя званіе опекуна надъ дѣтьми покойнаго поэта, а Отрѣшковъ сдѣлался производите-

[1]) Вотъ при какой обстановкѣ упоминается это имя, въ письмѣ № 22: „Голова моя кругомъ идетъ при мысли о *газетѣ*. Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровья Отрыжкову; авось вывезетъ“.

лемъ опекунскихъ дѣлъ семейства Пушкина и въ этомъ качествѣ приступилъ къ разбору его бумагъ и сочиненій. Я имѣю много основаній думать, что Отрѣшковъ отнесся къ этой обязанности не съ должнымъ пониманіемъ важности оной. Хотя онъ и считался сочинителемъ неважныхъ брошюрокъ, по части разныхъ проектовъ, но никогда не былъ литераторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Скажу одно, что, вслѣдъ за полученіемъ имъ къ разбору дѣлъ и бумагъ Пушкина, появились въ рукахъ его знакомыхъ толстыя рукописныя тетради сочиненій Пушкина, съ его собственными, Отрѣшковскими, крайне любопытными помарками.

Обо всемъ этомъ я пишу въ надеждѣ, не напомнитъ ли моя замѣтка кому-нибудь изъ знавшихъ Отрѣшкова, какія это тетради онъ давалъ тогда своимъ знакомымъ и не существуютъ ли онѣ гдѣ-нибудь и до настоящаго времени. Въ заключеніе скажу, что въ Курской губерніи, кажется, въ числѣ недавнихъ предводителей дворянства (чуть ли не щигровскаго уѣзда) жилъ, а можетъ быть и теперь живетъ, братъ Наркиза Отрѣшкова—Любимъ Ивановичъ Отрѣшковъ.

Я сочту себя совершенно счастливымъ, если мои указанія, основанныя на ближайшемъ знаніи фактовъ и лицъ, послужатъ поводомъ къ отысканію какого-нибудь новаго памятника руки А. С. Пушкина, каждая строчка котораго дорога для насъ.

Примите и пр.

Н. М. К.

Кіевъ.—4 февраля 1878.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Матеріалы для изученія Болгаріи. Напечатаны по повелѣнію Е. И. В. Главнокомандующаго Дѣйствующей Арміей. Букурештъ, 1877. Выпускъ IV: О поземельной собственности въ Болгаріи.

Съ живымъ интересомъ узнали мы еще въ іюлѣ прошедшаго года о появленіи „Матеріаловъ“ для изученія Болгаріи. „Journal des Débats“, этотъ заклятый врагъ славянства, если вѣрить отзывамъ газетъ, первый счелъ своимъ долгомъ оповѣстить европейскую публику о появленіи запоздалыхъ нѣсколько попытокъ русскаго общества ознакомиться поближе съ бытомъ страны, за благосостояніе которой оно такъ охотно проливаетъ кровь своихъ дѣтей. Написанная дружественною рукою, статья „Journal des Débats“ разсыпалась въ похвалахъ неутомимымъ собирателямъ „Матеріаловъ“, которые, въ во-

Дубл.

Письма Пушкина
1820–1836.

Спб. 1858.

5.

ПИСЬМА

А. С. ПУШКИНА

КЪ БРАТУ

ЛЬВУ СЕРГѢИЧУ.

МОСКВА.
Въ типографіи С. Селивановскаго.
1858.

Напечатано 110 отдѣльныхъ оттисковъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 3 дня, 1858 года.

Цензоръ *И. Фонъ-Крузе.*

(Изъ № 1, 2 и 4 Библ. Зап.)

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА

КЪ БРАТУ Льву Сергѣичу (*).

(Сообщены С. А. Соболевскимъ, съ дозволенія опекунши Елизаветы Александровны Пушкиной).

1.

Кишеневъ. 24 сент. 1820.

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разказами. Начинаю съ яицъ Леды.

(*) Подлинники хранятся у С. А. Соболевскаго, которому редакція приноситъ искреннюю благодарность за сообщеніе этихъ столько интересныхъ и столько важныхъ для исторіи литературы матеріаловъ. Письма А. С. Пушкина къ брату соединены въ одну тетрадь и расположены въ хронологическомъ порядкѣ; къ нимъ приложены: а) клочекъ бумаги, весь измаранный черновыми стихами Пушкина, изъ которыхъ можно разобрать:

Догорала молодая
Въ голубомъ эѳирѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой
Старый Дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догаресой молодой.

Затѣмъ еще около десяти стиховъ совсѣмъ нельзя прочитать.

Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься[a] по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенью. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказкимъ водамъ; лѣкарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на щастливой путь — я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылѣчился. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и черезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впроччемъ купался въ теплыхъ кисло-серныхъ, въ желѣзныхъ, и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти

---

b) Клочекъ синей бумаги; на немъ карандашемъ рукою Пушкина: «Бумаги, перьевъ, облатокъ, чернилъ, чернилицу de voyage. Чамоданъ, Библіи 2, Шекспиръ. Вина bordeau (это послѣднее слово зачеркнуто) sotern-, Champagne. Сыръ. Курильницу. *Lampe de voyage*, *Allumettes*, *табакъ*, *ел. труб. черешн.* Chemises. . . . . bague. Medaillon simple, montre (напечатанное курсивомъ въ подлинникѣ зачеркнуто.

c). На сѣрой бумагѣ рисунокъ, на которомъ начерчены карандашемъ: крѣпость, лодка, набережная и опершись на нее двое мущинъ, означенные цыфрами. Внизу рукою Пушкина: «1. хорошъ—2. *долженъ быть опершися на гранитъ.* 3. лодка. 4. крѣпость Петропавловская.» На оборотѣ приписки карандашемъ и чернилами: «Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина—найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ же *мѣстоположеніи*. Та-же сцена, слышишь-ли? Это мнѣ нужно непремѣнно.

цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояньи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказкихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ; ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказкій край, знойная граница Азіи — любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ изчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоёванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной

Да пришли мнѣ калоши—съ Михайломъ.»

d). Стихи, писанные (по мнѣнію С. А. Соболевскаго) рукою Льва Пушкина—Изъ Шиллера (Пушшевая пѣсня: «Силы четыре» и проч.)—и напечатанные г. Анненковымъ въ VII т. Сочиненій Пушкина.

e). Два черновые проэкта писемъ матери Пушкина къ Государю, писанные неизвѣстною рукою; содержаніе: такъ какъ Псковскіе доктора не могутъ вылѣчить поэта отъ аневризма въ ногѣ, которымъ онъ страдаетъ болѣе десяти лѣтъ, то мать испрашиваетъ дозволеніе переѣхать ему для операціи въ Ригу или другой какой городъ.

Отрывки изъ писемъ А. С. Пушкина къ брату вошли въ составъ «матеріаловъ для его біографіи», изданныхъ г. Анненковымъ. (См. I т. Сочиненій Пушкина.) Печатаемъ эти письма съ удержаніемъ правописанія поэта.

пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ — и можетъ быть сбудется для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками: вѣчно верьхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду неприязненныхъ полей свободныхъ, горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженая пушка, съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но не льзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа — они готовы напасть на извѣстнаго Рускаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ Высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравиться мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ *Керчь*. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я — на ближней горѣ посереди кладбища увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубовысѣченныхъ — замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ-ли это, древнее-ли основаніе башни — не знаю. За нѣсколько верстъ оста-

новились мы на *золотомъ холмѣ*. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города *Пантикапеи*. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій — но ему не достаетъ ни денегъ, ни сведеній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керча пріѣхали мы въ *Кефу*, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ — и подобно старику Виргилія, разводитъ садъ на берегу моря, не далеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человѣкъ, но имѣетъ большія сведенія объ Крымѣ, сторонѣ важной и запущеной. Отъсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ *Юрзуфѣ*, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію (*), которую тебѣ присылаю; отошли ее *Грегу* безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали Татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, щастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Рускаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатеринин-

(*) «Погасло дневное свѣтило.»

скаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякого, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ-ли я щастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался — щастливое, полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь-ли ты со мной? скоро-ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайнѣй мѣрѣ пиши ко мнѣ — благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію — доброй, умной старушкою — къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ. . . . . *Рускимъ безвѣстную*! . . . (*) я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все-ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! прости. Обними-же за меня

(*) Такъ въ подлинникѣ.

Кюхеб... (*) и Дельв(ига) — Видишь-ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьи.

Пушкинъ.

2.

(Изъ Кишинева).

Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-руское, полу-французкое письмо, ты не московская кузина. Во вторыхъ письма твои слишкомъ коротки — ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ — жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынѣ не доходитъ ни одинъ дружній голосъ — что друзья мои какъ нарочно рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно. — Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя — это меня бѣситъ — я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ *съ ними*; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней — тогда дѣла пойдутъ иначе. — Ты говоришь, что Гнѣдичь на меня сердитъ, онъ правъ — я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой — но у меня шла голова кругомъ. — Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать — и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему «Плѣнника». — Къ тому-же ни Гнѣдичь со мной,

(*) Кюхельбекера.

ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Г. я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума.—Спроси у Дельвига, здоровъ-ли онъ, все-ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ — каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. — Посылаю тебѣ мои стихи, напѣчатай ихъ въ «Сынѣ» (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не разпускай, въ ней каждой стихъ —правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что былъ Французъ,
Клеонъ—умомъ ее стращая,
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На К.....

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя.

Твой другъ Дельвигъ.

24 Генв. 1822.

3.

(Изъ Кишинева 1822).

Брату.

Здраствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь — я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣсть я еще въ Кишеневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по руски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду рускую Азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ): пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое *сотвореніе міра* Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ-ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. (*) прошлаго года? кто на ны? «Черная шаль» тебѣ нравится—ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напѣчатали. Кто ее такъ напѣталъ? пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидиться съ Всеволожскимъ (**)—и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими

(*) Пушкинъ спрашиваетъ о критическихъ вопросахъ, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества 1820, часть LXIV, по поводу «Руслана и Людмилы» (Смотри подробности въ 1 т. Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, стр. 66—67.)

(**) Никита Всеволодовичь.

друзьями—экземпляров(ъ) 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. (*) его, L. D. его, Овошникову (**) его, Лампу его—и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова—пожелай здравія Калмыку (***)—и напиши мнѣ обо всемъ.

Пришли мнѣ «Тавриду»—Боброва. Vale.

Твой братъ А.

27 Іюня.

Тутъ же на послѣдней страницѣ приписка:

Сестрѣ:

Etes-vous de retour de votre voyage? avez vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? celà vous a-t-il amusé? aimez vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez vous? avez vous revu la voisine ..... montez vous à cheval? quand revenez vous à Petersbourg? que font les Korf? êtes vous mariée, . . .

(*) T. e. Veuve Clicquot-Pontchartrain — клеймо шампанскаго.

(**) Танцовщица.

(***) Веселое общество, собиравшееся у Всеволожскихъ, называлось *Зеленою Лампою*: въ числѣ прислуги у нихъ былъ калмыкъ. (См. въ Московск. вѣдомостяхъ 1855 г. № 142-5 статью Бартенева: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи» и замѣчаніе, высказанное въ той же газетѣ по поводу этой статьи).

. . . . . doutez vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie (*).

4.

Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me parait préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtems de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aises de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

(*) *Перевод*: Возвратилась ли ты изъ своего путешествія? Посѣщала ли опять Нарвскія подземелья, замки, каскады? занимало ли это тебя? любишь ли ты по прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собаки? забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизара? Что тебя забавляетъ? Что ты читаешь? Видѣла ли ты опять сосѣдку. . . . . Ѣздишь ли верхомъ? Когда возвратишься въ Петербургъ? Что дѣлаютъ Корфы? За мужемъ ли ты? . . . . . ? Не сомнѣваешься ли въ моей дружбѣ? Прощай, мой доброй другъ.

Point de petits soins, défiez vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plus-part du tous est une perfidie. — Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'egard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle. A l'ègard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offense volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller, ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plutôt la misère : croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sau-

ver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité; mais ce n'est pas ce qui m'arreterait, lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie. (*)

5.

(Изъ Кишинева 1822).

Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести

(*) *Переводъ*: ты въ тѣхъ лѣтахъ когда надо подумать объ избираемой карьерѣ. Я сказывалъ тебѣ причины, почему военную службу по моему слѣдовало бы предпочесть всѣмъ другимъ. Во всякомъ случаѣ твое поведеніе должно надолго опредѣлить твою репутацію и можетъ быть твое счастіе.

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь; начинай всегда съ того, что предполагай въ нихъ всевозможное зло. Ты ошибешься не намного. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое я считаю благороднымъ и добрымъ, но которое еще молодо. Презирай ихъ какъ можно вѣжливѣе: это средство оградить себя отъ маленькихъ предразсудковъ и маленькихъ страстей, которыя поразятъ тебя при вступленіи твоемъ въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми. Фамиліарность всегда вредитъ; особенно опасайся допускать ее съ твоими начальниками, какъ бы ни была велика ихъ предупредительность. Они очень скоро опередятъ тебя и будутъ очень рады унизить тебя въ такое время, когда меньше всего этого ожидаешь.

Избѣгай маленькихъ угожденій, не допускай излишней уступчивости, на какую можешь быть способенъ: люди не поймутъ ея и охотно примутъ за низость, всегда готовые судить другихъ по самимъ себѣ. Не принимай никогда благодѣяній. Благодѣяніе большею частію бываетъ коварствомъ. Избѣгай протекціи, потому что она подчиняетъ и унижаетъ.

Мнѣ хотѣлось бы предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но у меня не достаетъ духу черствить твою душу въ пору самыхъ

языкахъ, ни слова тебѣ не скажу — мнѣ безъ тебя скучно. — Что ты дѣлаешь? въ службѣ ли ты? пора, ей Богу пора. Ты меня въ примѣръ не бери — если упустишь время, послѣ будешь тужить — въ руской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чемъ нибудь когда нибудь; слѣдственно разочти, — тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи—уче-

---

сладкихъ ея мечтаній. Все, что я могъ бы тебѣ сказать относительно женщинъ, было бы совершенно безполезнымъ; замѣчу тебѣ только—чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею. Но такое наслажденіе достойно стараго волокиты XVIII столѣтія. Что касается до той, которую ты полюбишь, то я отъ всего сердца желаю тебѣ обладать ею.

Не забывай никогда умышленной обиды. Тутъ или вовсе не нужно словъ или очень мало и никогда не плати оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если твое состояніе или обстоятельства не позволятъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній; а скорѣе давай видъ, что держишься противоположной крайности: цинизмъ во всей его наготѣ имѣетъ вліяніе на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрительнымъ.

Никогда не занимай, лучше терпи нужду; повѣрь что она не такъ ужасна, какъ ее себѣ представляешь, и особенно—не такъ, какъ убѣжденіе въ возможности видѣть себя безчестнымъ или быть принятымъ за таковаго. Эти правила, которыя тебѣ предлагаю, почерпнуты мною изъ собственнаго тяжелаго опыта. Да примешь ты ихъ безъ принужденія! Они могутъ спасти тебя отъ дней страданія и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь. Она будетъ тяжка моему самолюбію; но это не остановитъ меня, когда дѣло коснется счастія твоей жизни.

ніе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой-же невѣжда, какъ В. И. К—въ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе.— Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ — выросъ-ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чедаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: *И сплетней разбирать игривую затѣю;* я получилъ отъ него полукислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. — Пиши мнѣ новости литературныя; что мой «Русланъ»? не продается? не запретила-ли его цензура? дай знать. Если-же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. — Каково идетъ изданіе Бестужева? читалъ-ли ты мои стихи ему посланные? что «Плѣнникъ»? радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ П. Б. дѣла есть. Не знаю, буду-ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть не льзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій, и зачемъ онъ ко мнѣ не пишетъ. Бываешь-ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь — и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратын-

скаго. — Что Вильгельмъ? (*) есть-ли объ немъ извѣстія?

Прощай.

Отцу пишу въ деревню.

21 Іюля.

Приписка къ сестрѣ:

Ma bonne et chère amie, je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous. Je vous embrasse et je vous aime — amusez vous et mariez vous. (**)

6.

(Изъ Кишинева 1822).

На прошедшей почтѣ—(виноватъ: съ Долгорукимъ)—я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ—во первыхъ о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную—вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ Гвардію тебѣ не за чемъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому-же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ

(*) Кюхельбекеръ.

(**) *Переводъ*: Мой доброй и милый другъ, мнѣ не нужно твоихъ писемъ, чтобы быть увѣрену въ твоей дружбѣ; они единственно мнѣ нужны, какъ нѣчто отъ тебя. Обнимаю и люблю тебя. Веселись и выходи за мужъ.

корпуса Раевскаго—скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ Гвардію—Раевской или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ—явись отъ меня къ Никитѣ Всеволож(с)кому—и скажи ему, чтобъ онъ ради Христа погодилъ продовать мои стихотворенья, до будущаго года.—Если-же они проданы, явись съ той-же прозьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣла(ла) мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы—само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи къ *Ов.* (*) перемѣни такимъ образомъ:

> **Ты** самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной,
> **Ты**, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
> Привыкнувъ *и проч.*

Къ стати объ стихахъ: то, что я читалъ изъ *Ш. Узн.* (**) прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха *Орлеанской*..... Но актеры, актеры! 5-стоп. стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ *Глухо-рева*. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй—но боюсь.—Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для 1-го представленія на мое имя.

(*) Къ Овидію.

(**) Шильонскаго узника.

Читалъ стихи и прозу Кюх. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ Миѳологіей и Героизмомъ — славянорускими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія. Чтобы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ — но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? (*) *Ода къ Ерм.* (Ермолову?) лучше, но стихъ: «такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ...» слишкомъ уже Греческой. — Стихи къ Грибоѣдову (**) достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный. — Зри, Боже! число великій(?), унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ — цѣль(ъ?) трудъ многимъ людямъ — принадлежащій и проч.» Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельв(ига). Батюшковъ правъ, что сердиться на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. — *Б. изъ Рима* не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила. (***) Вообще мнѣніе мое, что П — ву при-

---

(*) Это, кажется, намекъ на стихотвореніе «Олимпійскія игры», написанное Кюхельбекеромъ въ 1822 г. въ Тифлисѣ, и напечатанное въ Мнемозинѣ 1825 г. ч. IV, стр. 96.

(**) Не тѣ-ли, что были потомъ напечатаны въ Сынѣ Отечества 1823 г. (ч. LXXXIV, стр. 128)?

(***) Въ «Сынѣ Отечества» 1821 года (№ VIII) П. А. Плетневъ напечаталъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Б...овъ изъ Рима», въ которомъ описывалъ поэта, утратившаго вдали отъ родины друзей и вдохновеніе. Батюшковъ, уже больной и находившійся въ Римѣ, принялъ стихотвореніе на свой счетъ

личнѣе проза, нѣжели стихи — онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости — слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. П.....у, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте.

П.

Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m' envoyer des habits—rappelez la lui de ma part. (*)

Еще слово — скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ с..... Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.

Милый мой — у васъ пишутъ — что лучь денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. (**) Это не Хвостовъ написалъ — вотъ что меня огорчило — что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ!

и горько жаловался; Пушкинъ принялъ его сторону. (См. Соч. Пушк. изд. Анненкова, т. 1, стр. 243).

(*) *Переводъ*: Отецъ мой возъимѣлъ счастливую мысль — именно: прислать мнѣ платье; напомни ему объ этомъ отъ меня.

(**) Сказано по поводу слѣдующихъ стиховъ въ думѣ Рылѣева («Богданъ Хмельницкій» — въ Сынѣ Отечества 1822 г. № 23, стр. 130):

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ полдень проникалъ,
Скользя по сводамъ лучь денницы...

7.

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. За чемъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности К. Шаховскаго. Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и б(лагороденъ?)..... (*) (на) будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ-ли мой «Плѣнникъ»? *a-t-il produit du scandale,* пишетъ мнѣ Orlof, *voilà l'essentiel.* Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера Плѣнника; онъ для нихъ созданъ, душа моя; я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки—не ради изправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.—

Я карабкаюсь и можетъ быть явлюсь у васъ. Но не (прежд)ѣ будущаго года..... мнѣ, на.....ѣ (**);

(*) Оторвано въ оригиналѣ нѣсколько словъ. П. А. Плетневъ обратился къ Пушкину съ извѣстнымъ посланіемъ:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ,
На немъ печать твоей открытой силы, и пр.

гдѣ прямо и благородно высказалъ свое оправданіе.

(**) Въ оригиналѣ вырвано.

Жуковск(ому) я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; Министру я писалъ — онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбы моей несите!..... Къ стати: получено-ли мое посланіе къ Овидію? будетъ-ли напѣчатано? что Бестужевъ? жду календаря его. (*) Я бы тебѣ послалъ и новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый. Окт. 18.. (**)

А. П. Кишиневъ.

Другъ мой, попроси И. В. Сленина—чтобъ онъ за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 2 экз. *Людмилы*, 2 экз. *Пльнника*, одинъ *Шильонскаго узника*, книгу Греча—и Цертелева древнія стихотворенія—поклонись ему отъ меня.

8.

(Изъ Кишинева, зимою 1823).

Душа моя, какъ перевести по Руски *bevues*?—должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Bevues*. Мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Рылѣева, его же Гербъ Россійской на вратахъ Византійскихъ (***) (во время Олега, Герба Рускаго не было — а двуглавый орелъ

(*) Т. е. альманаха «Полярной Звѣзды» на 1823 годъ.

(**) Т. е. 1822. Годъ разобрать трудно.

(***) Въ думѣ Рылѣева Олеговъ щитъ имѣетъ гербъ Россійской.

есть Гербъ Византійской и значитъ раздѣленіе Имперіи на Зап. и Вост.—у насъ-же онъ ничего не значитъ.) Повѣришь-ли, мой милый, что не льзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *revues*, поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишишь, да и всѣ вы что то примолкли. Скажи ради Христа Ж. чтобъ онъ продиктовалъ Якову строчки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь.—Видишь-ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя поподчивать? вотъ *стихи Ѳ. Глинкѣ*:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слёзъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный Гражданинъ!
Пускай Судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ. (*)

(*) Стихотвореніе это вошло въ VII т. Сочиненій Пушкина, изд. Анненкова, стр. 29.

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ, покажи ихъ Глинкѣ, обними его за меня и скажи ему, что онъ все таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра. (*)

9.

(Изъ Кишинева 1823 г.)

Благоразумный Левинька!

Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли.—Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами—и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенк(ѣ) Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно Кавказкому плѣннику.—Бестужевъ прислалъ мнѣ «Звѣзду»—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? душа моя, и «Русланъ» и «Плѣнникъ» и Noël (**) и все дрянь въ сравненіи съ ними.—Ради Бога, люби двѣ звѣздочки, (***) онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знамени-

(*) Внизу на сгибѣ письма означено рукою Пушкина: Брату.

(**) Ходившая тогда пѣсня Пушкина:

«Внимай народъ Россійской,
Что знаетъ цѣлый міръ ....»

(***) Пушкинъ двумя звѣздочками замѣнилъ фамилію свою подъ стихотвореніями: «Къ Овидію» и «Мечта воина», напечатанными въ Полярной Звѣздѣ 1823 г.

тому Рылѣеву и проччимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. *Мечта воина* привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной Коллегіи, и находится нынѣ въ бессарабской Канцеляріи. — Эта «Мечта» напечатана съ ошибочнаго списка — призванье вмѣсто взыванье; *тревожныхъ думъ*, слово, употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по руски ничего не значитъ; *воспоминаніе и брата и друзей* стихъ трогательный, а въ *Звѣздѣ* простой плоской. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи — это была моя цѣль. Въ отношеньи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ приятели, и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичь у меня перебиваетъ лавочку —

Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный (*)

и проч. — непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ. — Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche.

Пріѣхалъ ли Царь? впроччемъ это я узнаю преждѣ, чемъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву — тамъ увидишь ты моихъ друзей — напомни имъ обо

(*) Стихъ изъ Тарентинской Дѣвы, Гнѣдича. (См. Поляри. Звѣзду 1825 г. стр. 181).

мнѣ; также и роднѣ моей, которая впроччемъ мало заботиться о судьбѣ племянника, находящагося въ *опалѣ*. Можетъ быть они правы — да и я невиноватъ — — —

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ (*); а гдѣ Кюхель..?

Ты мнѣ пишишь объ N N: en voilà assez. Assez такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду — въ Августѣ мѣсяцѣ — такъ и быть — а вѣдь неприятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется — прощай еще разъ. 30 Янв.

10.

(1825 года.)

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ — три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу — я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. — Ресторація и Италіанская Опера напомнили мнѣ старину и ей Богу обновили мнѣ душу — между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня

(*) Намекъ на эпиграмму, кончавшуюся словами: Икюхельбекерно и тошно.

очень ласково, объявляю(е)тъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ.—Кажется и хорошо—да новая печаль мнѣ сжала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей.—Пріѣхалъ въ Кишеневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда—о Кишеневѣ я вздохнулъ.—Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни—впрочемъ я нигдѣ не бываю, кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ — на пр. онъ пишетъ въ П.Б. письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: Пущ(кинъ) открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр... фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ «Бахчисарайскаго фонтана» (новой моей поэмы) сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру.—Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!—Здѣсь еще Раичъ. Знаешь ли ты его? будетъ Родзянка—предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу—да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цензурѣ; ремеслу-же столярному я не обучался;

въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ божій и 4 первыя правила — но служу и не по своей волѣ—и въ отставку идти невозможно.—Все и всѣ меня обманываютъ—на кого-же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ. На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно—крайность можетъ довести до крайности.—Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письмы его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ П.-бургъ—когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извощика отъ Аничк. моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп. (которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги.) Прощай, душа моя—у меня хандра—и это письмо не развеселило меня.

Одесса. 25 Авг.

Такъ и быть я Вяземскому пришлю *Фонтанъ* — выпустивъ любовный бредъ—а жаль!

11.

(изъ Одессы.)

Вотъ что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ *Благон.* (*) читалъ я, что въ какомъ то ученомъ обществѣ читали твой «Фонтанъ» еще до напечатанія. На что это похоже? и въ П.Б. ходятъ тысяча спис-

(*). Въ «Благонамѣренномъ» (журналѣ Измайлова).

ковъ съ него — ктоже послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.»

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? вѣдь ты взялъ свои 3000 р.—а тамъ хоть трава не расти.—Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первой разъ поступившіе по Европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продовать себя съ барышемъ.—Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ *моей Славы*—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ *слава!* видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ какъ «Фонтанъ» разходится—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ разкуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Б..... ъ хуже Воейкова—какъ можно печатать партикулярныя письма — мало-ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ—а имъ бы все и печатать—это разбой; (*) рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего об-

(*) Въ «Литтературныхъ листкахъ» 1824 года (ч. 1. № 4, стр. 147) по поводу «Бахчисарайскаго Фонтана» было напечатано: Авторъ сей поэмы писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: «Недостаетъ плана; не моя вина, я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers, je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ Бакчисарайскій Фонтанъ единственно для себя, а печатаю потому, что» и проч.

щаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно—ихъ не въ грошъ не ставлю—а публику почитаю на ровнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ что хотятъ.

1-го Апрѣля. 1824.

Письмо это доставитъ тебя(ѣ) Синявинъ (*), *адъют.* Гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой приятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣденія, которыхъ только пожелаешь.—Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной счетъ ..... Пиши мнѣ. Не ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрываете мой книжной торгъ—куда хорошо.

(На оборотѣ адрессъ: Льву Сергѣевичу Пушкину, у Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго.)

12.

(Изъ Одессы, въ началѣ 1824 г.)

Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. N Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чемъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись—а иначе Богъ

(*). И. Г. Сенявинъ, бывшій потомъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

знаетъ когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ..... и два раза воспослѣдовалъ..... отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то, въ..... ....., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ разстетъ тринъ-трава, братцы. (*) Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Р.... ая слава льстить можетъ какому — нибудь В. К.....у, которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? на сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги—таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Бахч. фонт.» у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, разкупиться-ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Карниловичь, пи-

(*) Намекъ на одно стихотвореніе.

сать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго-ли этому быть? къ стати о гадости—читалъ я Ѳедру Лобанова (*)—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина! Voulez vous découvrir la trace de ses pas—

надѣешься найти
Тезея жаркой слѣдъ иль темные пути—

..... вотъ какъ все переведено. А чемъ-же и держится Иванъ Ивановичь Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры «Федры» верхъ глупости и ничтожества въ изобретеніи — Тезей ничто иное, какъ первый Мольеровъ рогачь; Иполитъ, le superbe, le fier Hypolyte—et même un peu farouche, Иполитъ, суровый Скиѳской выб.....—ничто иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный—

D'un mensonge si noir..... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ рѣчью молодаго любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Терамент

(*) Федра, трагедія Расина въ пяти дѣйствіяхъ, переводъ М. Лобанова. Спб. 1823, въ 8 долю.

аббатъ и сводникъ — vous même où seriez vous etc...—вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь—«Войнаровской» полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но естьли не успѣю скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева «Олега вѣщаго» и напѣчаталъ. Можетъ быть я пришлю ему отрывки изъ «Онѣгина»; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его—онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ и порядочно не разчухалъ.

15.

15 Іюня.

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Б..... скаго вранья—чортъ съ нимъ.—Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о «Сѣверныхъ цвѣтахъ»—выдутъ-ли и когда выдутъ? Съ перемѣною Министерства ожидаю и перемѣны Цензуры. А жаль..... la coupe était pleine. Бируковъ и Красовской не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія Дѣдушка Шишковъ? Не запретилъли онъ *Бахчис. фонтанъ* изъ уваженія къ святыни Академическаго словаря и неблазно составленному

слову *водометъ*? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда—Арзамасецъ (*), но яко Разбойникъ—Романтикъ. Попытаюсь толкнуться ко вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью «Онѣгина.» Авось пролѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Онѣгинѣ»—скучно, душа моя. Въ другой разъ, когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другаго рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавк. плѣн.» за 2000 р. кому бишь? вотъ перемѣны:

И *путникъ* оживаетъ — и плѣнникъ. — Остановлялъ онъ долго взоръ — вперялъ онъ любопытный взоръ. *И упоительнымъ* мечтамъ—и упоительнымъ. *Немного . . . . . ей дней—ногей*—ради Бога—прощай.

(На оборотѣ печать почтамта: Одесса 13 Іюня 1824. По бокамъ письма набросана начерно, но безъ помарокъ, та строфа «Онѣгина», которая начинается стихомъ:

Я помню море предъ грозою.

Адрессъ тотъ же: Милостивому государю Л. С. П. Въ Спб. у Обухов. мосту въ домѣ Полторацкаго.)

(*) Объ обществѣ Арзамасцевъ см. въ т. 1. Сочин. Пушкина, изд. Анненкова и въ прежде указанной статьѣ г. Бартенева.

14.

(Изъ деревни 1824 г. Октябрь.)

Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику «Кавк. Пл.»? (спросить у Греча) да книгъ, ради Бога книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ Альманаховъ, то скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и «Талію» Булгарина. Къ стати о таліи: на дняхъ я мѣрился поясомъ съ Евпр. и тальи наши нашлись одинаковы. Слѣд. изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15 лѣтней дѣвушки, или она талью 25 лѣтн. мущины. Евпр. дуется и очень мила, съ А..... бранюсь; надоѣла! Еще комисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да *перстень*—мнѣ грустно безъ него; рискни—съ Михайломъ. Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что «Онѣгинъ»? перемѣни стихъ *звонокъ раздался*—поставь: швейцара мимо онъ стрѣлой. Въ «Разг(оворѣ)» послѣ *искалъ вниманье красоты* нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебные шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь *фонъ-Визина* писать *Фонвизинъ*. Что онъ за нехристъ? онъ руской, изъ перерускихъ руской. Здѣсь слышно будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго *повель-*

нія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонитъ меня отецъ и мать. Впроччемъ я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Ж. и съ Кар. (*) Я не прошу отъ правительства полу-милостей; это было бы полу-мѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость..... я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но..... ..... Не надѣясь на его снисхожденіе—надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было не желаю быть въ П.Б. и вѣрно нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цалую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; посл(ѣ) об(ѣда) ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ахъ! Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Рус. ист.— Прощай, моя радость. Чтожъ чухонка Баратынскаго? я жду. (**)

(На оборотѣ письма адрессъ тотъ же.)

(*) т. е. съ Жуковскимъ и Карамзинымъ.

(**) Рѣчь идетъ о поэмѣ Баратынскаго («Эда»).

15.

(Изъ Тригорскаго, осенью 1824 г. до 7 ноября.)

Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ, я въ Михайловскомъ рѣдко. А..... очень смѣшна; сестра разкажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ, я ревную и браню тебя — скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о произшествіяхъ ему извѣстныхъ — я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы — и ты, душа, держи языкъ на привязи.

Видѣлъ ты всѣхъ святыхъ? шумитъ-ли Питеръ? что твой пріѣздъ и что «Онѣгинъ»?.

NB. пришли мнѣ 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc. — найдешь у St. Florent, 2) сѣрныя спички, 3) карты т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ), 4) Жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5) горчицы и сыру; по это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные паны, и что сволочь. —

Я тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что — лѣнь прислать. —

Прощай отвыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой — а то будешь un

fréluquet, что гораздо хуже, чемъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежде Января.

Всѣмъ поклонъ, пиши-же живѣе.—(На оборотѣ: Милостивому Государю и братцу.)

16.

(Изъ деревни, 1824 г. послѣ 7 ноября.)

Скажи моему Генію-хранителю, моему Жуковскому, что слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? потопъ! ничто проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames..... Жаль мнѣ цвѣтовъ Дельвига; да надолго-ли это его задержитъ въ тинѣ Петербургской. Что погреба? признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя, для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ это все вздоръ. А вотъ важное: тётка (*) умерла! Ѣду завтра въ Св. горы и велю отпѣть молебенъ или панихиду, смотря потому что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! печатай,

(*) Анна Львовна Пушкина; на ея смерть Пушкинъ написалъ извѣстные стихи: Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна, и проч.

печатай «Онѣгина» и съ «разговоромъ»—обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ: А. Н. па тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ П. А. твои письма въ *Лубны* и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ. Все таки она приказала тебя, пустел(ь)га, разцеловать. Евп. уморительно смѣшна, я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библію, библію! и французкую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ-же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки да читаю Кларису, мочи нѣтъ какая скучная дура! Жду твоихъ писемъ; что Всеволожск(ій), что моя рукопись, что письмо мое къ К. В. Ѳ.? Будетъ ли картинка у «Онегина»? что дѣлаютъ Полярные господа? что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напѣйся пьянъ, какъ тотъ — послѣ своего потопа. NB. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины Гр. Ивл. (*) и распечаталъ, полагая, что оно столько-же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцалуй ее за меня т. е. сестру Ольгу—

(*) Графини Екатерины Марковны Ивелич.

а Гр. Екат. дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! разпечаталъ нарочно. Вѣрно есть *богги* per fas et nefas продающіяся въ ПБ.—купи, что можно будетъ подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

(На оборотѣ письма: Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки. 1)

17.

(1824 г. декабрь, изъ деревни.)

Вул(ь)фъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хоть съ П. А., хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ — получи это письмо непремѣнно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ святочную пѣсенку.—(*) Вѣтренный юноша Р. можетъ письмо затерять — а ничуть не забавно мнѣ попасть въ..... *pour des chansons.*

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить *Онѣг.* изъ подъ цензуры—слава..... — деньги нужны.

(*) Смотри письмо подъ № 9.

Долго не торгуйся за стихи — рѣжь, рви, крамсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога денегъ! — У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное — нѣкогда тебѣ разсказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да пришли-же мнѣ всевозможные календари, кромѣ придворнаго и академическаго. (*) Къ стати — начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ Цензура? Напиши мнѣ нѣчто о Карамзинѣ, ой, ыхъ,

Жуковскомъ,

Тургеневѣ А.,

Сѣверинѣ,

Рылеевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики. — Насѣли-ли на В...? ..... говорятъ бѣсится — за что бы кажется, да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина, такъ и сыру, не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленую главу (**) бутылки т. е. штопе(о)ръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся П-іе толки о моемъ побѣгѣ. За чемъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо!

(*) Рѣчь идетъ объ альманахахъ.

(**) Это слово написано Пушкинымъ надъ строкою, вмѣсто зачеркнутаго: «пробку».

Когда ты будешь у меня, то станемъ трактовать *о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чеда-ева.* Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться. —

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня

Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала! —

впроччемъ, всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай, что задумаешь. Addio.

Получилъ-ли ты письмо мое о Потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ voilà une belle occasion pour nos dames .....?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

18.

(Изъ деревни).

Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего «демона»! моего «демона»! послѣ этого онъ и..... напечатаетъ ошибочно. Ни давать ему за то ни «моря», ни капли стиховъ отъ меня. NB. Г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? да нельзя ли еще подъ «разговоромъ» поставить число *1823 год.?* Стихъ: Вся жизнь одна ли, двѣ ли ночи, надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопр. Mes arrieres neveux me devroient cet ombrage. Съ журналистами дѣлай что угодно, дарю тебѣ мои мѣлочи на пряники; продавай или дари что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Мих(айло) привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. Библія для христіанина тоже, что Исторія для народа. Этой фразой (на оборотъ) начиналось прежде предисловіе Ист(оріи) Кар(амзина). При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ.—Закрытіе Ѳеатра и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освѣщеніе бельэтажа..... и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры....., да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ, онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь

какому нибудь нещастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни писменнаго. Ни чуть незабавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идилическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ. Пришли-же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ онъ Чухонецъ! да если она милѣе моей Черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 Дек.

Приписка сестры:

Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d' А. Л. est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante, et je suis fâché que Chalikof ait ..... sur son tombeau. (*) Няня исполнила твою комисію, ѣздила въ Св. горы и отправила панихиду или что было нужно. Она цалуетъ тебя, я также. Твои троегорскія приятельницы несносныя...., кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома, да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

(*) *Перевод*ъ: Если сказанное тобой о завѣщаніи А. Л. правда, то это очень мило съ ея стороны. По правдѣ я всегда любилъ бѣдную тетку, и мнѣ досадно, что Шаликовъ ..... ея гробницу.

—Анна Львовна раздѣлила свое состояніе между двумя племянницами Солнцевыми и Ольгой Сергѣевной Пушкиной, послѣ Павлищевой.

По сторонамъ письма приписано:

Кланяйся В. В. Э. и Гнѣдичу и Плетневу и Онѣгину и Слёнину. Присылай мнѣ *старину* (*); это приятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Он(ѣгина)?

(На оборотѣ письма: «Ея Сіятельству Милостивой Государынѣ Катеринѣ Марковнѣ Графинѣ Ивеличевой въ *С. Петербургѣ* у Калинкина мосту въ собственномъ домѣ. Пр(ошу) дост(авить) братцу Льву Серг.» Печать почтамта: Опочка 1824. Дек. 8.)

19.

(1825 г. января, изъ Михайловскаго.)

Живъ, живъ курилка!

Какъ! живъ еще курилка журналистъ?—
—Живёхонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью замученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ и вздорную новинку.—
—Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?

(*) Русская старина, карманная книжка для любителе отечественнаго на 1825 годъ, изд. А. Корниловичемъ.

Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ.—Да... плюнуть на него. (*)

—

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № В. Евр. гдѣ напечатанъ 2-ой разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ *Бахч. фонт.* Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстн. и Дамск. Журн.) (**)

Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть—сердись онъ, не сердись—а *хотѣлъ простить—простить не могъ* достойно Байрона. Видѣніе, конецъ прекрасны. — Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы—покрайнѣй мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. (***) Хочется от-

(*) Эпиграмма эта вошла въ VII т. Сочиненій А. Пушкина, изд. Анненкова (стр. 102.) Описаніе игры: «живъ, живъ курилка!» смотри въ сочиненіи Терещенки: Бытъ русск. народа, ч. IV. стр. 101—2.

(**) Статья кн. Вяземскаго подъ названіемъ: «*Вмѣсто предисловія. Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова*» возбудила сильную полемику. Въ отвѣтъ на эту статью въ 5 мъ № Вѣстника Европы напечатанъ: «Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго фонтана», подписанный буквою *N*, а въ 8 № помѣщены: «Возраженія на разборъ Втораго разговора», соч. *Мих. Дмитріева.* Подробности объ этой полемикѣ смотри въ 1 т. Соч. Пушкина, издан. Анненкова, стр. 106—110.

(***) Пушкинъ говоритъ о повѣсти: «Чернецъ» (смотри Собр. сочиненій Ив. Козлова, изд. 3. Спб. 1840 г., ч. I, стр. 22) и о посланіи Козлова къ Жуковскому (тамъ же, стр. 33—50.)

вѣчать ему стихами, естьли успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ. (*)

Гнѣдичь не получилъ моего письма? жаль, оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ же пакетѣ находилось два очень нужныя—тебѣ и Плетневу.—Что Плетневъ умолкъ? Конечно бѣдный боленъ, иль «Войнаровскимъ» не доволенъ — къ стати каковы мои замѣчанія? надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу — а виноватъ : «Войн.» мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю *Genlis* — да Child Harold—Lamartine (то-то чепуха должна быть!) да вообще что нибудь новинькова да и *старину*. «Талію» получилъ и письмо отъ Изд. Не успѣлъ еще пробѣжать: *Ворожея* (**) показалась мнѣ *du bon comique*. А Хмѣльницкой моя старинная любовница—я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится если объ немъ упоминаютъ, какъ о драмм. писателѣ.) В. правъ — а все таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дель(вигъ) и Бар(атынскій) привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клоца,

(*) Пушкинъ отвѣчалъ Козлову стихотвореніемъ: *Пѣвецъ, когда передъ тобой*, и проч.

(**) Въ «Русской Таліи» (изд. Булгарина) было напечатано нѣсколько явленій изъ комедіи-водевиля кн. Шаховскаго: «Ворожея или танцы духовъ» и отрывки изъ трехъ произведеній Хмѣльницкаго.

который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не по нутру *Рьзвоскагущая кровь Гриб.а.* (*)

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ Аневризма и проч.

Письмо Ж. (**) наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился Романтикомъ, а не Грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще?

Тиснуть *Сарское село* и съ Нотой—напрасно объявляли о *бр. Разб.* (***) ихъ бы можно напечатать и въ *Разн. Стих.* Богатая мысль напеч(атать) *Нап.* (****), да цензура..... лучшія строфы потонутъ.

20.

(1825 г. января.)

Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ принятыхъ въ твоемъ отношеніи.—Читалъ объ-

(*) Намекъ на стихотворное письмо Кюхельбекера къ Грибоѣдову (см. VII т. Сочин. А. Пушкина, изд. Анненкова, стр. 103—4.)

(**) Жуковскаго.

(***) О «Братьяхъ разбойникахъ».

(****) «Наполеонъ».

явленіе объ «Онѣгинѣ» въ «пчелѣ»: жду шума. Если изданіе разкупится—то приступи тотчасъ къ изданію другому или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ. — Отпиши о впечатлѣніи имъ произведенномъ.—У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григор. я принужденъ былъ выгнать за непристойное повѣденіе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нее худѣть. Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ щеты. Она показала мнѣ что за 2 года (1823 и 4) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 руб. на годъ, итого 400 рублей. — По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ ПБ. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько имянно положено ей благостыни и заплачено-ли что нибудь въ эти 2 года. Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и Старосты — велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впроччемъ она мерзавка и воровка. Покамѣсть я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: за чемъ пишу я Б.....у? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: С..... Я—ą, М....., Д..... и проч. Эти друзья не въ примѣръ хужѣ Б. — Они на дняхъ меня зарѣжутъ. — Покамѣсть я почтенному Оаддею Венедиктовичу послалъ 2 отрывка изъ «Онѣг.», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ.... а кто виноватъ? все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или Подъ «Моремъ и землею» (*) должно было поставить: идилія Мосха. — Отъ этого я бы не удавился — а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни—но тутъ я самъ виноватъ.—

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай—позволяю. Плетнева цалую, и буду писать.

Да пришлите-же мнѣ Старину и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ Изд(ателю) или..... Н. А. прочитай его да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ да мнѣ присылаетъ свое вранье—добро! Начало *Кота* Измайлова (**) очень мило.

P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотр. Инв. № какой то), издаетъ по подпискѣ — подпишись на нѣсколько экз.

21.

(Въ началѣ 1825 года.)

Братъ! здраствуй—писалъ тебѣ на дняхъ. Съ тебя довольно.—Поздравляю тебя съ рож(д)ествомъ Госпо-

(*) Стихотвореніе Пушкина.

(**) Басня «Черный котъ» въ Невскомъ альманахѣ на 1825 годъ, стр. 145.

да нашего, и прошу поторопить Дельвига. — Пришли мнѣ *цвѣтовъ* (*) да *Эду*, да поѣзжай къ Энгельгартову обѣду. — Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

(На оборотѣ вдоль страницы: Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.)

22.

(1825 года.)

Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также Алжирца Всеволожскаго. Перешли-же мнѣ проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше. — Дельвига жду, хоть онъ и не поможитъ. У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны — потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ благословясь и въ Цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что нибудь въ уксусѣ— да книгъ: conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талію, Старину, да Sismondi (littérature) да Schlegel (dramaturgie) если есть у St. Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть *Новое издан. Собр. Рус. Стих.*

(*) Альманахъ: «Сѣверные цвѣты.»

(*) да дорого 75 р., я и за всю Р... столько не даю. Посмотри однакожъ.

Каченовскій возсталъ на меня. — Напиши мнѣ, благопристоенъ-ли тонъ его критикъ — если нѣтъ — пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ что въ стихахъ—стихи не главное. Что-же главное? проза? должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: *одинъ сижу во компаніи*, и тому под.

А. Н.. тебѣ кланяется и очень жалѣетъ что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и Миртильничую. Знаешь ея кузину А. И. В? ecce femina!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣсть благодари его—думаю, что экз. Онѣ(гина) ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь что это шутка. А чего добраго! однакожъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень неприятно.

Тригорское.

14 Марта.

(*) Пушкинъ, кажется, говоритъ о Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ», изд. 2-ое, Спб. 1822—24 г. 12 частей.

(На оборотѣ: «достань у Рылѣева или Бестужева мои мѣлкія стихотв. и перешли мнѣ скорѣе. Чтожъ ты обѣщалъ мнѣ прислать Парни?» Адрессъ: Льву Сергѣевичу Пушкину. Подъ нимъ: J and my sister make you our compliments from our hearts and souls. (*)

23.

(1825 года, изъ Михайловскаго.)

По полученіи рукописи. 14 Марта.

Напрасно воображаешь ты тчо я на тебя сержусь, и не думалъ. — Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожской со мною шутитъ, я долженъ ему 1000, а не 500; переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. М. б. (**) тебя притѣсняютъ безъ вѣдома.... — Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc. — Погоди хоть Дель(вига.)

Увѣдомь о Баратынскомъ — свѣчку поставлю за З..... если онъ его выручитъ.

(*) *Переводъ:* я и сестра душевно и сердечно тебѣ кланяемся.

(**) Можетъ быть.

24.

Братъ Левъ

и Братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье на скоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, зн(аки) препинанія, безсмыслицы — прошу самимъ исправить — у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піэсъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова—изключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуков(скаго), не во гнѣвъ Б..... ну, и Гнѣдича не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно или изъ A. Chenier. Виньэтку бы не худо; даже можно, даже нужно—даже ради Христа, сдѣлайте; имянно: *Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ* (къ стати: что прелестнѣе строфы Ж — *Онъ мнилъ что вы съ нимъ однородные* и слѣдующей. (*) Конца не люблю.) Что, еслибъ волшебная кисть О. Толстова....

(*) Смотри напечатанное въ «Сѣверн. цвѣтахъ» на 1825 г. стихотвореніе Жуковскаго: *Мотылекъ и цвѣты.*

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужесть какъ мила!.. . (*)

Къ тому-же кромѣ Уткина, ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша.—Впроччемъ это все наружность. Иною прелестью плѣняется — — — (**)

Перещитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около (ибо часть подземнымъ Богамъ непредвидима.) Бируковъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ *грозное время* былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піэсу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣд. изд(аніе) Жук(овскаго) и пожалуйста безъ ммммм и безъ ——— и безъ ═══ вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. — Но каждую штуку особенно — хоть бы изъ 4 стиховъ состоящую —(развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую.)

(*) Стихи изъ «Модной жены» И. И. Дмитріева.

(**) Это стихъ изъ сейчасъ указанной піэсы Жуковскаго:

Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ, мотылекъ...

60 піэсъ! довольно-ли будетъ для 1 тома? не прислать-ли вамъ для наполненія *Ц. Никиту и 40 его догерей?* (*)

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная политика!

Братъ Плетневъ! не пиши *добрыхъ* критикъ! будь зубастъ и бойся приторности.

Простите, дѣти! я пьянъ.

15 Марта.

(*) Это сочиненная Пушкинымъ стихотворная сказка, не совсѣмъ скромная по содержанію, но мастерская по художественному выполненію; въ памяти друзей поэта она уцѣлѣла въ небольшомъ отрывкѣ. Вотъ ея начало:

Царь Никита жилъ когда-то,
Праздно, весело, богато;
Не творилъ добра, ни зла:
Такъ земля его цвѣла.
Царь трудился по немногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей —
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Чудо (варіантъ: милыхъ) сердцемъ и душой,
Что за ножка — Боже мой!
А головка, темный волосъ,
Чудо глазки, чудо голосъ!
Умъ съ ума свести бы могъ, —
Словомъ съ головы до ногъ
Душу-сердце все плѣняло;
Одного не доставало:
Такъ — бездѣлка, ничего,
Ничего иль очень мало,
Все равно не доставало.....

25.

(1825 года.)

Душа моя, что за прелесть бабушкинъ котъ! (*) я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Ар. Фал. Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. — Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда-ли?

Объ Вяз(емскомъ) получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости своего чтенья-бѣсія.

Получилъ-ли ты мои Стихотворенья? вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1) Многія изъ сихъ Стихотвореній — дрянь и недостойны вниманія Россійской Публики — но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя — такъ вотъ онѣ, извольтесъ кушатьсъ, хоть это-съ г.... — съ (сказать это помягче.) 2) Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы по-

(*) Пушкинъ говоритъ о повѣсти Погорѣльскаго («Лафертовская маковница»); Аристархъ Фалалѣичъ Мурлыкинъ — дѣйствующее лице въ этой повѣсти (см. Двойникъ или мои вечера въ Малороссіи.)

казаться тёмными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей Публики (Росейской) или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, (*) или какъ угодно. 3) Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ. — Это непристойность, и въ *Бахг. Ф.* я забылъ замѣтить это Вяз. 4) Все это должно быть выражено Романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ. — Ну покрайнѣй мѣрѣ стольже хороша. Доволенъ-ли онъ — да перешли на всякой случай это предисловіе въ Мих(айловское), а я пришлю вамъ замѣчанья свои. —

Когда пошлешь стихи мои В. — напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ — а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медведями. — Прощай, сестру поцалуй.

Великая пятница.

Я «телеграфомъ» (**) очень доволенъ — и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Ж. (***). Дельвига нѣтъ еще!

(*) *Въ этомъ мѣстѣ, съ боку письма, Пушкинымъ прибавлено:* или слишкомъ незрѣлыя, ибо Г. Пушк. изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году (т. е. 14 лѣтъ.)

(**) Московскій Телеграфъ, журналъ Н. А. Полеваго.

(***) Жуковскому.

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—толи дѣло не кр...., не ругаться по....., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи К. Голиц.-Суворовой, возьми ихъ отъ нее.—Думаю что *Посл. къ Ов(идію)*, *Вчера былъ день* и *Море* могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ Элегіяхъ—да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P.

(Затѣмъ слѣдуетъ: «Не напечатать-ли въ концѣ *Воспоминанія въ Ц. С.* (*) съ нотой, что онѣ писаны мною 14 лѣтъ — и съ выпискою изъ моихъ Записокъ (объ Державинѣ) ась?» Строки эти потомъ зачеркнуты и подъ ними прибавлено: нѣтъ. Съ боку письма: «да тиснуть еще мою *Птичку* да 4 стиха о дружбѣ: что дружба? легкой пылъ похмѣлья.» (**)

26.

(Отрывокъ письма, безъ года и числа, должно быть 1825 г.)

Я было послалъ это въ С. О. да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику Атамана Г.... и Есаула Б.....— Дарю отрывки тебѣ: печатай, гдѣ хочешь.

(*) Царскомъ селѣ.

(**) Со словъ: «да 4 стиха о дружбѣ» все зачеркнуто.

27.

(1825 г. апрѣля 17.)

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку, вѣроятно отъ Плетнева—письмо А. Н. отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія—или изъ ревности, какъ хочешь). Она въ претензіи за твои нѣжности и за то что онѣ тебя усыпили. — *Полярн.* (*) еще не получалъ.—Справься ради Бога объ *Фонт(анѣ).* Селивановскій предлагаетъ мнѣ *12000* р., а я долженъ отъ нихъ отказаться — эдакъ съ голоду умру — съ отцемъ да съ Ольдекопомъ — прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за *отр.* изъ письма *Бар.* (**) Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). А. Н. также и въ обѣихъ церквахъ Триг. и Вор. произходили молебствія — это немножко напоминаетъ la messe de Frederic II pour

(*) Альманаха: Пол. Звѣзды.

(**) Баратынскаго?

le repos de l'âme de m-r de Voltaire. В—у посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой — за упокой поэта.

(На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину.)

28.

(1825 г. весною, послѣ 17 апрѣля.)

Фуше, *Oeuvres dram. de Schiller*, *Schlegel*, *Don Juan* (послѣднія 6-я и пр. пѣсни), новый Wal. Scott, *Сибирской Вѣстникъ весь.*—и все это черезъ St. Florent, а не черезъ Слёнина.—Вино, вино, ромъ (12 буты.), горчицы, Fleur d'Orange, чемоданъ дорожный. *Сыру лимбург.* Книгу объ верховой ѣздѣ — хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону.—Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. (*) Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились — а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигринскимъ Старостою (**) — приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цалуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей: (напримѣ. устрицъ.)

(***) Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія. — Думаю что можно на-

(*) Рѣчь идетъ о Дельвигѣ.

(**) См. «Смерть Чигиринскаго старосты» (отрывокъ изъ поэмы: *Наливайко*) въ альманахѣ: Поляри. Звѣзда.

(***) Здѣсь съ боку надъ строкою поставлена цыфра: 23.

чать благословясь. — *О посл. къ Ч.* скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно (*) — Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ *Опыт.* если его пасквиль этого стоитъ, и по сему попроси его эпиграмму и пр. отъ В..... (непремѣнно.) Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ—чтожъ дѣлать, а напечатай уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю что не могу быть увѣрену и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ что я поссорилъ ее съ А. Н. показавъ (**) нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je..... или подобное. Я А.... увѣр..... (чт)о сестра сердится очень на нее и все чер..... и сплетни—

des bretelles
des bottes (или не нужно.)

(На оборотѣ: «Брату. Плетневу поклонъ да пара словъ—на дняхъ къ нему пишу.»)

29.

(1825 года.)

Еслибъ Пл. показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. — Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ

(*) Относится къ стихамъ, выпущеннымъ изъ посланія къ Чадаеву.

(**) Здѣсь приписано Пушкинымъ надъ строкою: «и не читавъ.»

нужны. Я на тебя полагался какъ на брата — между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячь 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ-ли остальные 500? и осталось-ли что нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ Мартѣ—они еще не собраны, не цензированы — ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ Моск(овской) публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. — Изданіе поэмъ моихъ не двинится никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина (*)—теперь прошу если возможно возобновить переговоры — —

Словомъ мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году— а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану — а благодарить ей Богу не за что. —

28 Іюля.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства — полагаюсь на его дружбу — если-же ты захочешь продиктовать

(*) Книгопродавецъ.

«Цыгановъ» для отдачи въ Цензуру, покамѣсть не перешлю своего списка — я почту себя очень обязанымъ.

(Съ боку: «Заплачены-ли В—у 600 р?» На уцѣлѣвшей половинкѣ оборотнаго листа рукою, должно быть, Всеволожскаго написано: «Въ Февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ Апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ по особенной моей просьбѣ свою черную тетрадь. Думалъ ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради или нѣтъ?»)

30.

(Изъ Москвы 1829 года.)

Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? завтра ѣду въ ПБ. увидѣться съ дражайшими родителями comme on dit и устроить свои денежныя дѣла.—Изъ ПБ. поѣду или въ чужія края т. е. въ Европу или во свояси т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію, не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсокова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею — да прошу не влюбиться въ дочь. — Кончилась-ли у васъ война? видѣлъ-ли ты Ермолова, и какого вамъ послѣ его? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда нибудь да перешлетъ мнѣ.

8 мая. *А. П.*

(На оборотѣ: «Льву Сергѣевичу Пушкину въ Азію.»)

31.

Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ Гр. Паскевича, какъ Б. получилъ о тебѣ изъ Москвы *un rapport défavorable*. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался бы съ Французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ бы ужъ быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать не возможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

6 Апрѣля.

(На оборотѣ: «Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Чугуевъ (въ *Харьк. губ.*) Оставить до востребованія.» Чужою рукою: «*въ Изюмъ.*» Печать почтамта: Москва 1831 апрѣля 8.)

32.

Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева. (*) Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы.) Я писалъ о томъ уже управи-

(*) Оброчная нижегородская деревня отца Пушкина, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Болдина; нынѣ принадлежитъ дѣтямъ Александра Сергѣевича.

телю. У тебя будетъ чистаго доходу около 2000 р.— Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему — а самому получать только эту сумму — 2000 не много, но все-же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить.

2 мая. *А. П.*

(На оборотѣ: «Его Благор. М. Г. Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Тифлисъ.» Печать почтамта: С. Петербургъ 3 мая 1835.)

33.

J'ai tardé à vous répondre, parceque je n'avais pas grand chose à vous dire. Depuis que j'ai eu la faiblesse de prendre en main les affaires de mon père, je n'ai pas touché 500 r. de revenus; et quant à l'emprunt des 13000, il est déja depensé. Voici le compte qui vous regarde. . . . . Votre lettre de change . . . . . a été rachetée. . . . . Comme ma mère a été très mal, je garde encore les affaires malgré mille dégouts. Je compte les rendre au premier moment. Je tâcherai alors de vous faire avoir votre part des terres et des paysans. Jl est probable qu'alors vous vous occuperez de vos affaires et que vous perdrez de votre indolence et de la facilité avec laquelle vous vous

laissez aller á vivre au jour la journée. Je n'ai pas payé vos petites dettes de jeu, car je ne suis pas allé chercher vos compagnons—c'était à eux qu'il fallait m'adresser. (*)

(На оборотѣ: «Его Благор. М. Г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ.» Печать почтамта: С. Петербургъ 24 апрѣля 1836.)

34.

(Изъ С. Петербурга 1836 года.)

Вотъ тебѣ короткій расчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ

(*) *Переводъ*: Я замедлилъ тебѣ отвѣтомъ, потому что нечего было сказать важнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ слабость приняться за отцовскія дѣла, я не получилъ и 500 руб. дохода; что же касается до занятыхъ 13,000, то онѣ уже истрачены. Вотъ счетъ, который до тебя относится.... твое заемное письмо выкуплено..... Такъ какъ мать наша очень больна, то я все еще занимаюсь дѣлами не смотря на сильное къ нимъ отвращеніе. Надѣюсь сдать ихъ при первой возможности. Постараюсь, чтобъ ты получилъ слѣдующую тебѣ часть земли и крестьянъ; тогда ты, вѣроятно, займешься своими дѣлами и отстанешь хотя нѣсколько отъ своей безпечности и отъ той беззаботности, съ которой до сихъ поръ живешь ты изо дня въ день. Я не уплатилъ твоихъ маленькихъ карточныхъ долговъ, потому что не трудился искать твоихъ пріятелей—а слѣдовало бы къ нимъ обратиться.

Пск. губ-іи (*) стоятъ (полагая 500 р. за душу, вмѣсто обыкновенной цѣны—400 р.)—40,000 р.

Изъ оныхъ выключается 7-ая часть на отца. . . 5,714

Да 14-ая часть на сестру. 2,857

Итого 8,571

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить по ровну—31,429 р.

На твою часть придется — 15,715.

Прежде Сентября мѣсяца мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какіе у тебя долги въ Тифлисѣ и если успѣешь, то купи свои векселя покамѣсть кредиторы твои не узнали о твоемъ наслѣдствѣ.

Изъ письма твоего къ Ник. Ив вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ — долгъ Плещееву за-

---

(*) Псковская деревня принадлежала матери Пушкина, скончавшейся въ 1836 году.

плаченъ (кромѣ 30 черв., о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія нашимъ имѣніемъ.) Долгъ Ник. Ив. также заплоченъ. Изъ мѣлочныхъ не заплоченъ долгъ Гута *и нѣкоторыя другія, которыя ты знаешь*, говоритъ мнѣ Ник. Ив.

3 Іюня.

Мнѣніе мое: эти 15,000 разсрочить тебѣ на 3 года —ибо вѣроятно тебѣ деньги нужны и ты на полученіе доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь. — О положеномъ тебѣ отцемъ буду съ нимъ говорить, хоть это вѣроятно ни къ чему не поведетъ. Отдавая ему имѣніе, я было выговорилъ для тебя — независимые доходы съ половины Кистенева. Но видно отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я-же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцевскаго.

83194

Ин-т Русск. Лит-ры
Библиотека
АН СССР

1 хорошъ — 2 хорошъ Карл
открытъ на границѣ
3 лодка
4 кутеръ Петропавловскъ

Брать, вдь тебѣ Кар-
тинка Гей Ветчина —
пейди искусивъ и быстр!
карандашъ